

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯЛиРК

_____ /И.В. Евсеева/

« _____ » _____ 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

СЕМАНТИКА ЭМОЦИЙ В РАССКАЗАХ И ДНЕВНИКАХ

Л. Н. АНДРЕЕВА

45.04.01 Филология

45.04.01.01 Русский язык

Магистрант _____ Д.А. Нуждова

Научный руководитель _____ к.ф.н., доц. И.В. Башкова

Нормоконтролер _____ А.С. Белозор

Красноярск 2016

АННОТАЦИЯ

Тема магистерской диссертации: «Семантика эмоций в рассказах и дневниках Леонида Андреева».

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, языковая картина мира, семантика, эмоция, эмотиология, эмотивная лексика, идиоглосса

Цель: анализ семантической структуры языковой личности Л.Н. Андреева и выявление значимых компонентов его ценностной картины мира, описывающих эмоциональные состояния.

Задачи: 1) исследовать теоретические подходы к понятию «языковая личность», 2) проанализировать своеобразие языковой личности писателя и ее отражение в произведениях, 3) выделить семантически значимые элементы картины мира автора, связанные с эмоциями, 4) сравнить проявление языковой личности Л.Н. Андреева в литературе нон-фикшн и в художественной прозе

Практическая значимость: Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях языковой личности писателей и персонажей художественного текста и в работах по изучению идиостиля того или иного писателя, а также при разработке теоретических и практических курсов по проблемам лингвоперсонологии.

Основные выводы и результаты исследования: 1. Семантически значимые элементы авторской языковой картины мира представлены по большей части лексемами с негативными коннотациями (страх, ужас, отчаяние, тревога, страдание). 2. В значениях слов, обозначающих эмоции в художественных текстах Л.Н. Андреева наблюдаются значительные семантические сдвиги. 3. В дневниковых записях и письмах эмотивная лексика, напротив, преимущественно обладает стандартной семантикой. 4. Языковая личность Андреева-писателя существенно отличается от языковой личности Андреева-обывателя

Перспективы дальнейшего исследования: 1) анализ синтаксических конструкций, служащих для передачи эмоций в исследуемых текстах, 2) более детальная классификация лексем, обозначающих эмоции в творчестве Л.Н. Андреева, 3) изучение литературного наследия Л.Н. Андреева с позиции эмпатии, 4) составление словаря идиостиля писателя.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ЭМОЦИЙ.....	9
1.1. Антропоцентрическая парадигма в языкознании. Предпосылки и зарождение.....	9
1. 2. Теория языковой личности. Возникновение термина.....	12
1.3. Выделение лингвоперсонологии в самостоятельную дисциплину. Периодизация	16
1.4. Научные школы изучения языковой личности в России.....	21
1.4.1. Научная школа «Русская языковая личность» под руководством Ю.Н. Караулова.....	21
1.4.2. Волгоградская лингвокультурологическая школа	23
1.4.3. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка».....	28
1.4.4. Томская диалектологическая школа	31
1.4.4. Лингвоперсонологическая школа Барнаула и Кемерова.....	34
1.5. Эмотиология	37
1.5.1. История становления науки.....	37
1.5.2. Волгоградская школа лингвистики эмоций	38
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	50
ГЛАВА 2. ЭМОТИВНАЯ СЕМАНТИКА В РАССКАЗАХ И ДНЕВНИКАХ Л.Н. АНДРЕЕВА	52
2.1. Общая характеристика семантики эмоций в текстах Л.Н. Андреева....	52
2.2. Семантика эмоции страха	56
2.3. Семантика слова «смех».....	61
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Магистерская диссертация «Семантика эмоций в языковой картине мира Л.Н. Андреева» выполнена в русле лингвоперсонологии.

Возрастающий интерес к широкому кругу проблем, связанных с «человеком говорящим», в современной лингвистике во многом обусловлен сменой парадигм, произошедшей в конце XX века. На смену системно-структурной парадигмы языка пришла антропоцентрическая. В центре находится человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. Наиболее обширен и интересен внутренний мир человека, его восприятие реальности.

Антропоцентрическая парадигма характеризуется переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке. Взамен требования изучать систему и структуру языка выдвигается новое — изучать языковую способность, знания о мире, зафиксированные в языке, языковую компетенцию носителя языка. То есть на смену исследованиям, построенным на основе формальных критериев, пришло понимание необходимости учета «человеческого фактора» в лингвистике.

Следовательно, чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю — человеку, говорящей и мыслящей личности. По словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».

Из этого следует, что в последние годы предметом исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов часто становится такое явление, как языковая личность (Ю.Н. Караулов «Русский язык и языковая личность», В.И. Карасик «Языковой круг: личность, концепт, дискурс», Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования»).

Актуальность исследования обусловлена его развитием в русле антропоцентрической парадигмы современного языкознания, предполагающей решение вопросов об индивидуальных способах функционирования языковых единиц, об индивидуальной картине мира, о прагматической составляющей речевых произведений. Обозначенный вопрос, несмотря на достаточно длительную историю его изучения, и сегодня остается открытым и представляет широкое поле для междисциплинарных исследований.

Несмотря на большой интерес к фигуре Л.Н. Андреева со стороны исследователей-литературоведов, исследование его творческого наследия в аспекте лингвоперсонологии остается перспективной задачей на сегодняшний день.

Мысль автора не потеряла своей мировоззренческой актуальности и в общефилософском, и в политическом плане. Косвенным подтверждением актуальности данной темы может служить большое количество диссертаций по проблематике языковой личности: за последние годы в России защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций.

Объектом исследования является языковая личность Л.Н. Андреева

Предметом— языковые единицы разных уровней, отражающие эмотивную семантику в анализируемых текстах Л.Н. Андреева.

Рассказы, повести, театральные пьесы Л. Андреева относятся к значительным явлениям русской литературы. Вместе с тем отмечается относительно небольшое количество работ, посвященных как изучению его творчества и биографии в целом, так и его отдельных произведений. Фигура Андреева – одна из наиболее характерных в культуре Серебряного Века: он выработал свой стиль, его особенностью было смешение множества стилей.

Современники называли Андреева реалистом и неореалистом, неоромантиком и символистом, импрессионистом и экспрессионистом; возникали и другие определения: эмоционалист, сюрреалист, экзистенциалист.

Произведения Андреева отличает резкость контрастов, неожиданные повороты сюжета, в сочетании со схематической простотой слога. Леонид Андреев признан ярким писателем Серебряного века русской литературы.

Гипотеза: для языковой картины мира Л.Н. Андреева основополагающими и значимыми выступают лексемы, принадлежащие к семантическому полю эмоций. Данные элементы языковой личности автора различно выражаются в его дневниках и письмах и в его художественных произведениях, и их осмысление может быть актуальным в условиях современности.

Целью исследования является анализ семантической структуры языковой личности Л.Н. Андреева и выявление значимых компонентов его ценностной картины мира, описывающих эмоциональные состояния.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

- Исследовать теоретические подходы к понятию «языковая личность».
- Проанализировать своеобразие языковой личности писателя и ее отражение в произведениях.
- Выделить семантически значимые элементы картины мира автора, связанные с эмоциями.
- Сравнить проявление языковой личности Л.Н. Андреева в литературе нон-фикшн и в художественной прозе.

Материалом исследования послужили дневники Л.Н. Андреева, его переписка (Леонид Андреев «S.O.S. Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919), статьи и интервью (1919), воспоминания современников (1918-1919)») и его художественные произведения (Л.Н. Андреев Собрание сочинений: в 6 т.).

Характер цели и задач и специфика исследуемого материала определили **методы исследования**:

- на этапе сбора материала – метод выборочной расписки избранных для анализа текстов с использованием интернет-ресурса «Корпус национального русского языка»;

- на этапе анализа – метод компонентного анализа; метод контекстуального анализа; элементы лингвокультурологического анализа, в частности – выделение компонентов ценностной картины мира писателя;
- на заключительном этапе – описательно-аналитический метод.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем предпринята попытка комплексного сравнительного анализа механизмов выражения базисных для языковой картины мира Л.Н. Андреева эмоций и проведен компонентный анализ семантического значения лексем, выражающих эти категории. Впервые материалом для лингвистического анализа выступают дневники Л.Н. Андреева и материалы его переписки.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях языковой личности писателей и персонажей художественного текста и в работах по изучению идиостиля того или иного писателя.

Практическая ценность диссертации связана с возможностью применения материалов и результатов исследования при разработке теоретических и практических курсов по проблемам лингвоперсонологии.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшем развитии лингвоперсонологии, теории языка, когнитивной лингвистики, авторской лексикографии, а также антропоцентрического направления в лингвистике.

Исследование расширяет источниковедческую базу для решения такой базовой проблемы общего языкознания как «язык и личность». Данные, полученные в результате частотного анализа текстов, имеют лексикографическую значимость: в дальнейшем может быть составлен частотный словарь на материале творчества Л.Н. Андреева.

Апробация

-Выступление с докладами на научно-практических конференциях «Молодежь и наука 2015», «Язык, дискурс, (интер)культура в

коммуникативном пространстве человека 2015» (1 место), «Язык и социальная динамика 2015» (3 место), «Молодежь и наука 2016» (2 место).

Структура работы, ее содержание обусловлены целью, задачами, спецификой предмета и материала исследования. Диссертационное исследование состоит из аннотации, введения, 2 глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ЭМОЦИЙ

1.1. Антропоцентрическая парадигма в языкознании. Предпосылки и зарождение

В конце XX века в языкознании произошла смена парадигм, и этим можно объяснить растущий интерес ко всему, что связано с «человеком говорящим (Homo Loquens): с его языковой личностью, чувствами, эмоциями, ценностями, коммуникацией, языковым бытием. Господствовавшая ранее системно-структурная парадигма сменилась антропоцентрической. Всё внимание теперь сконцентрировано на Человеке — как он говорит и мыслит, как воспринимает и оценивает себя и окружающую действительность. Внутренний мир человека представляет наибольший интерес для исследователей-лингвистов, поскольку внимательное его изучение может дать ключ к решению многих фундаментальных проблем языкознания.

Если ранее в центре внимания исследователя был объект, то есть непосредственно сам язык, то сейчас, в рамках антропоцентрической парадигмы анализируется человек в языке и язык в человеке. Взамен требования изучать систему и структуру языка выдвигается новое — изучать языковую способность, знания о мире, зафиксированные в языке, языковую компетенцию носителя языка. То есть на смену исследованиям, построенным на основе формальных критериев, пришло понимание необходимости учета «человеческого фактора» в лингвистике [Башкова, 2011: с. 4].

По словам выдающегося французского языковеда Э. Бенвениста, суть антропоцентрического принципа заключается в том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Бенвенист, 1974: 15].

Господство принципов антропоцентризма роднит лингвистику со

многими другими областями знания, ибо интерес к человеку как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим разные типы человеческой деятельности знаменует переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках: в физике это признание позиции наблюдателя, в литературоведении — обращение к образам автора и читателя в их разных ипостасях, в мегаэкологии — внимание ко всем проблемам окружающей среды и к достижению известной гармонии во взаимодействии человека с природой и т. д. «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Он знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова, 1995: 212].

Антропоцентрический принцип в языке, по мнению Ю. С. Степанова, «находит в современной лингвистике различные индивидуальные формулировки» и оказывается связанным с исследованием широкого круга языковых явлений, отраженных в языковом сознании говорящих или же отражающих присутствие говорящего в акте речи и установлении системы его «координат» [Степанов, 1975: 50-51; цит. по Кубрякова, 1995: 212-213].

Н.Ф. Алефиренко, характеризуя историю лингвистической мысли, пишет об антропоцентрической парадигме, пришедшей на смену сравнительно-исторической и системной (или структурно-таксономической) парадигмам. В данном случае под научной парадигмой понимаются признанные всеми научные достижения, «которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун, 1977: 11].

Антропоцентрическую парадигму вследствие её широты и универсальности часто называют *над-* или *суперпарадигмой*. «К этому побуждает тот неоспоримый факт, что находившиеся в ее составе концепции все более очевидно себя перерастали, превращаясь в самостоятельные лингвистические парадигмы. Наиболее отчетливо воспринимаются контуры таких научных парадигм, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика. Достаточно интенсивно развивается в последней трети XX века «гибридное» производное двух последних – коммуникативно-прагматическая лингвистика» [Алефиренко, 2005: 25].

Основы антропоцентрического подхода к изучению языка были заложены в трудах философов и лингвистов XVIII – XIX веков, рассматривавших язык как явление культуры в широком смысле слова.

Основоположник теории сравнительного языкознания В. фон Гумбольдт трактовал язык как «орган внутреннего бытия человека», как выразитель духа народа: «<...> язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию. Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки» [Гумбольдт, 1985: 348 – 349].

Младограмматики, желая изучить «человека говорящего», считали, что источник эволюции языка заключается в языке индивида. Они трактовали язык как индивидуально-психическое явление. И говорящий, и слушающий находятся в одной среде, в одних условиях жизни, и это позволяет им легче понимать друг друга и, следовательно, их коммуникация проходит без особых усилий с обеих сторон. Для младограмматиков язык не был биологическим, природным порождением, они понимали его как некое

общественное установление, которое не может существовать само по себе и само в себе, вне человека, и которое может существовать только в индивиде. Они делали упор на культуру и психологию человека говорящего.

В европейском языкознании развивается микросоциолингвистика, которая основана на «анализе, сфокусированном на индивида в неформальной внутригрупповой интеракции малых групп» [Белл, 1980: 45].

В России становлению антропоцентрической парадигмы в языкознании способствовали работы А.А. Потебни, В.В. Виноградова, А.А. Шахматова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.С. Трубецкого.

Ко второй половине XX века отчетливо проявился общий процесс гуманизации наук, и «языкознание незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к языковой личности» [Караулов, 1986: 48].

Антропоцентризм в языкознании базируется на следующем постулате: «каждый носитель языка является обладателем некоторой внутренней системы, которая позволяет ему строить и воспринимать тексты на данном языке. При таком подходе абстрактная языковая система приобретает статус своеобразного фона, а на роль фигуры, или объекта изучения, выдвигается *естественная система* – словарь и грамматика, «присвоенные» носителями языка (Ю.С. Степанов), а также сами носители языка – языковые личности» [Чурилина, 2006: 3].

Из всего вышесказанного следует, что для современных лингвистов человек говорящий – это и начальная, и конечная точка многих исследований.

1. 2. Теория языковой личности. Возникновение термина

Таким образом, в последние годы предметом исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов всё чаще становится такое явление как языковая личность.

Человек говорящий и человек мыслящий активно привлекал внимание теоретиков языка в период XIX – XX веков, следовательно, теория языковой личности стала активно развиваться. Невозможно познать язык, не познав того, кто этим языком пользуется, кто говорит на нём – его носителя. По словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В.В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы». Он исследовал две ипостаси художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа [Башкова, 2011: с. 6].

Данный термин также использовал Й.Л. Вайсгербер в работе «Родной язык и формирование духа» (1927). Он пишет: «Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности, наоборот, это языковое владение вырастает в нём на основе принадлежности к языковому сообществу» [Вайсгербер, 2004: с. 14].

Начало современного периода исследования языковой личности связано с 70–90-ми годами XX века. «Ученые все чаще начинают говорить о становлении зарождающейся области научного познания – антрополингвистики, или лингвистической персонологии, с собственным объектом, методами и задачами. В это время интенсивно развиваются такие науки как социоллингвистика (исследующая социальные, территориальные, профессиональные, половые, возрастные характеристики говорящих), психоллингвистика (рассматривающая механизмы порождения речевых актов, психологические закономерности восприятия текста и организации внутреннего лексикона человека), прагматика (анализирующая вопросы, связанные с субъектом и адресатом речи, ситуацией общения), лингводидактика (изучающая речевые способности, характер овладения человека языком), лингвистика текста (объектом ее внимания является организация текста и изменение единиц языка в нем). В интеграции с ними и одновременно в обособлении от смежных дисциплин формируется новый

объект изучения – говорящий субъект, "языковая личность". Многие лингвисты отмечают "поворот к личности", произошедший в эти годы в науке о языке» [Иванцова, 2002: 6–7].

В 80-х годах XX века в трудах Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова понятие языковой личности получило концептуальное осмысление. Были предложены пути исследования языковой личности, которые, несмотря на то что не раз подвергались критике, стали программными для многих направлений лингвоперсонологии.

С позиций лингводидактики Г.И. Богин предложил уровневую модель описания обобщенного типа языковой личности, абстрагированного «не только от индивидуальных различий людей, но и от различия известных им языков» [Богин, 1984: 3]. Основное назначение этой модели – обучение родному и неродному языку. Человек в ней рассматривается «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Там же: 1].

Наиболее известное определение языковой личности по праву, как отмечают многие лингвисты, принадлежит Ю.Н. Караулову: Языковая личность – это «...совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989: 3].

Ю.Н. Караулов разработал уровневую модель ЯЛ с опорой на художественный текст и не только на него, последовательно разграничивая три известных аспекта семиотики: синтактику, семантику и прагматику. ЯЛ, по мнению ученого, обнаруживает три структурных уровня [Караулов, 1997: 672].

1. Вербально-грамматический уровень. К нему относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка: слово, морфема, словоформа, дериват, синоним,

словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т.д.

2. Когнитивный уровень. Он предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса. Его единицами выступают: денотат, сигнификат, экстенционал и интенционал, понятие, фрейм, генерализованное высказывание (т.е. афоризм, сентенция, поговорка и т.п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ, каламбур и др.

3. Прагматический уровень отражает интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и динамику его картины мира. В состав единиц этого уровня включаются пресуппозиция, дейксис, элементы рефлексии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программа действия.

Языковой личностью может стать любой носитель языка как автор языковых текстов, имеющий свой характер, интересы, социальные, психологические и языковые предпочтения и установки [Караулов, 1997: 672].

В 1997 году термин языковая личность был включен в переизданную энциклопедию «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова.

Термин «языковая личность» постоянно корректируется и уточняется исследователями. В 2007 году Ю.Н. Караулов в статье «Структура языковой личности и место литературы в языковом сознании» пишет: «Вопрос о том, что такое языковая личность, – даже после трехсот научных публикаций на эту тему за последнее десятилетие – продолжает оставлять простор для поисков и дискуссий, что, вообще говоря, нормально для научного направления, находящегося в стадии парадигмального становления. Будем исходить из того, что понятие языковая личность предполагает такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и отпечатленные в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа. Иными словами, описание языка в этом случае нацелено на представление человека в языке, а сам человек предстает как специфически

систематизированный продукт языковой деятельности» [Караулов, 2007: 286].

К началу второго десятилетия XXI века в отечественном языкознании изучение ЯЛ имеет довольно богатую историю. В настоящее время изучение языковой личности является одним из магистральных направлений антропоцентрической парадигмы языкознания.

1.3. Выделение лингвоперсонологии в самостоятельную дисциплину. Периодизация

Языковая личность изучается в рамках многих научных дисциплин, и в их ряду особое место занимает лингвоперсонология, поскольку языковая личность является основным объектом её изучения, а не входит в ряд других объектов. По мнению ученых Н.Д. Голева и Н.В. Сайковой, «в настоящее время в связи с огромным вниманием лингвистов к человеку, языковой личности [Богин, 1984; Караулов, 2004 и др.] формируется наука «лингвистическая персонология» (выделено мною. – *И.Б.*) <...>». Н.В. Стрельцова [2007: 15] констатирует, что «духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера, стереотипах поведения, в языке, и является объектом исследования новой дисциплины – лингвоперсонологии (выделено мною. – *И.Б.*), пытающейся объединить данные многих наук, изучающих человека» [Голев, 2007: 34: цит. по: Башкова, 2011, с. 11].

В изданном в 2010 году учебном пособии Е.В. Иванцовой «Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности» дано теоретическое осмысление лингвоперсонологии как новой области науки о языке. Впервые представлена периодизация этой научной дисциплины – помимо периода предыстории, выделено три этапа её формирования.

20-е годы XIX века – 10-е годы XX века – этап предыстории лингвоперсонологии. Этот этап связан с именами В. фон Гумбольдта,

Г. Штейнталя, В. Вундта, А.А. Потебни, работами представителей младограмматического направления Г. Остгофа, К. Бругмана, Г. Пауля, а также с исследованиями К. Фосслера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А.Шахматова.

«В течение столетия крупнейшими лингвистами обсуждается вопрос об объекте языкознания, соотношении общего и индивидуального в языке. Хотя в целом внимание ученых приковано к языку как обобщенному объекту исследования, в науке осознается необходимость изучения речи отдельных индивидов. Намечены некоторые аспекты анализа индивидуальной речи и появляются опыты ее описания. Этот период можно рассматривать как формирование базы будущей лингвоперсонологии» [Иванцова, 2010: 10].

20 – 60-е годы XX века – первый период развития лингвоперсонологии – этап её зарождения.

В 20–30-е годы в трудах Э. Сепира, Й.Л. Вайсгербера, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Н.С. Трубецкого наблюдается поворот языкознания к человеку.

В 40–50-е годы XX века происходит формирование основ коммуникативного подхода к изучению языка. Французский ученый Э. Бенвенист обосновывает теорию субъективности, ставя вопрос о личностном наполнении языка в речи. В японском языкознании оформляется теория языкового существования («гэнго-сэйкацу»).

С середины XX столетия усиливаются процессы интеграции наук, в языкознании интенсивно развиваются такие междисциплинарные области, как социолингвистика (исследующая социальные, территориальные, профессиональные, половые, возрастные характеристики говорящих), психолингвистика (рассматривающая механизмы порождения речевых актов, психологические закономерности восприятия текста и организации внутреннего лексикона человека, типы текстов, связанные с психическими состояниями говорящих), прагмалингвистика (анализирующая вопросы, связанные с субъектом и адресатом речи, ситуацией общения: установки,

цели, правила и тактики, пресуппозиции коммуникации и др.), лингвистика текста (объектом ее внимания становятся организация текста и изменение единиц языка в нем, соотношение текста, контекста, подтекста, специфика текстов разных стилей, разной эмоциональной окрашенности и т.д.), неориторика (занимающаяся, в отличие от классической риторики, не столько вопросами речевого воздействия, сколько проблемами речевого взаимодействия, оптимизации речевого общения) и др [Башкова, 2011: с.24].

60 – 70-е годы XX века – второй этап развития лингвоперсонологии – начало тщательного исследования речи конкретных носителей языка.

Обозначить точное время перехода от первого ко второму этапу развития лингвоперсонологии весьма проблематично, так как единичные исследования речи конкретных носителей языка начались раньше указанного времени.

«В 1949 г. В.П. Тимофеев впервые начинает систематическое изучение речи конкретного рядового носителя языка – представителя традиционной речевой культуры Евдокии Михайловны Тимофеевой (1897 г.р., уроженки Курганской обл.). Результатом двадцатилетних изысканий (1949-1969) стал первый в лексикографической практике словарь диалектной языковой личности [Тимофеев, 1971]» [Иванцова, 2010: 16].

С 1963 г. под руководством Ф.Л. Скитовой пермские диалектологи (Л.К. Андреева, Л.А. Грузберг, Л.В. Сахарный и др.) подхватывают эстафету В.П. Тимофеева – начинают изучение речи носителя говора д. Акчим Пермской области Анны Герасимовны Горшковой (1891 г.р.).

Начинает развиваться авторская лексикография: издаются словари языка А.С. Пушкина, М. Горького, К.Г. Паустовского, И.С. Тургенева. На Украине, в Германии и Польше проводится аналогичная работа – составляются словари языка Шевченко, Гете, Мицкевича.

С 60-х гг. активно исследуется язык основоположника советского государства В.И. Ленина в работах А.М. Вирковской, Г.Г. Таирбекова, Ю.С. Воронова, Н.А. Юшиной, Л.Н. Квиквидзе и др. [Башкова, 2011: с. 46].

Характеризуя этот этап становления лингвоперсонологии, Е.В. Иванцова отмечает, что «на втором этапе развития лингвоперсонологии усиливается внимание к проблемам индивидуального говорения. Намечаются в общих чертах подходы к анализу речи индивида и расширяется спектр возможных аспектов ее исследования. Для этого периода характерны осознание связи лингвистики с другими гуманитарными и естественными науками, выделение понятия «языковая личность», формирование ряда разделов языкознания, в которых косвенно затрагиваются вопросы индивидуализации языка. В рамках традиционных лингвистических исследований вычленяется антропоцентрическое направление и собственно лингвоперсонологическая проблематика» [Иванцова, 2010: 17].

80-е годы XX века – 10-е годы XXI века – третий период развития лингвоперсонологии.

Е.В. Иванцова отмечает, что «в этот период антропоцентризм утверждается в качестве ведущего принципа современного языкознания. Формируется теория ЯЛ: выделяются ее объект и задачи, складывается терминологический аппарат, намечаются общие подходы к описанию ЯЛ и многообразные аспекты ее исследования. Кратно увеличивается число работ лингвоперсонологического плана, появляются первые обобщающие труды с анализом речи конкретных субъектов. Вместе с тем процесс формирования лингвоперсонологии еще нельзя признать завершенным» [Иванцова, 2010: 35].

Одной из первых работ программного характера для новой научной дисциплины стала статья В.П. Нерознака, в которой в качестве названия раздела лингвистики, развивающего теорию языковой личности, был предложен термин «лингвистическая персонология» [Нерознак, 1996: 113]. Эта наука призвана исследовать состояние языка как частночеловеческой (идиолектной), так и многочеловеческой (полилектной) языковой личности [Там же].

В 2003 году в научный обиход был введен лаконичный вариант

предложенного ранее наименования – «лингвоперсонология». По мнению Е.В. Иванцовой, «новое обозначение представляется удачным, поскольку отвечает требованиям краткости, системности (ср. лингвокультурология, лексикология, мотивология...) и прозрачности внутренней формы» [Иванцова, 2010: 22].

Новый термин утвердил свои позиции в лингвистике благодаря научной и издательской деятельности Н.Д. Голева. Сборники, изданные в Барнауле и Кемерове объединили усилия ученых, работающих в разных городах России.

На сегодняшний день наиболее активно термином «лингвоперсонология» пользуются лингвисты в Сибири – в первую очередь, представители лингвистических школ Барнаула, Кемерова, Томска. В этих городах изданы книги и статьи, включающие в свое название данное слово: «Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение» (Кемерово, 2006), «Вопросы лингвоперсонологии» (Барнаул, 2007); написаны учебные пособия с таким названием: «Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку» (Кемерово, 2009), «Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности» [Иванцова, 2010] и разделы в учебных пособиях (см. названия лекций в спецкурсе Е.В. Иванцовой (2005): «История формирования лингвоперсонологии как научной дисциплины», «Основные теоретические понятия лингвоперсонологии»; разработаны учебные курсы: «Лингвоперсонология текста» [Мельник, 2009].

В настоящее время в России существует несколько лингвистических центров, в которых ведется исследование языковой личности, – это Москва, Волгоград, Саратов, Тверь, Краснодар, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Барнаул, Кемерово, Томск, Красноярск и др. Среди этих городов выделяются Томск, Барнаул и Кемерово, поскольку именно там лингвисты (прежде всего, профессора Н.Д. Голев и Е.В. Иванцова) наиболее активно разрабатывают теоретико-методологические основания лингвоперсонологии. Уже можно

говорить о том, что в Томске, Барнауле и Кемерове сформировались лингвоперсонологические школы, отличающиеся своими целями, задачами, методами и принципами исследования [Башкова, 2011: с.47].

1.4. Научные школы изучения языковой личности в России

1.4.1. Научная школа «Русская языковая личность» под руководством Ю.Н. Караулова

В развитие теории языковой личности большой вклад внесла научная школа «Русская языковая личность». В сборнике, приуроченном к 70-летию Ю.Н. Караулова, сказано, что «название школе дано по основному объекту, подлежащему изучению и описанию в ее рамках, и по методу (способу изучения и описания), который основывается на определенном образом сложившейся и установленной в исследованиях структуре языковой личности. Под языковой личностью понимаются два феномена: 1) любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессах порождения текстов» [О научной школе «Русская языковая личность», 2006: 515].

В 1987 году в монографии «Русский язык и языковая личность», как было сказано выше, Ю.Н. Караулов представил основы целостной теории языковой личности, а в 1988 году научная школа «Русская языковая личность» получила институциональное оформление, когда под руководством Ю.Н. Караулова коллектив из пяти сотрудников: А.А.

Залевской, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и Г.А. Черкасовой – начал работу над Ассоциативным тезаурусом русского языка. (Под тезаурусом в работах Караулова понимается «всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [В поисках языковой личности, 1995: 5].)

С 1988 по 1997 годы по всей России проводилось массовое и масштабное анкетирование, целью которого стало выявление образов языкового сознания русских. Исследование проводилось в три этапа. Результаты работы были представлены в Русском ассоциативном словаре. В сборении материалов участвовали сотни лингвистов по всей России, а опросу подвергались тысячи носителей языка [Башкова, 2011: с. 51]. Все это способствовало тому, что идеи теории ЯЛ стали развивать во многих российских лингвистических школах.

Таким образом, понятие «языковая личность» тесно связано с разработкой словаря тезаурусного типа: тезаурус предстает прежде всего как способ исследования языковой личности, как результат целенаправленного эксперименталексикографа над языковой способностью человека. Такой эксперимент наглядно показал, что выбор языковых средств говорящим во многом определяется языковой картиной мира и что ЯЛ органически связана с национальной культурой.

Значительным результатом работы школы «Русская языковая личность» стало создание «Русского ассоциативного словаря», в котором собраны ассоциативные реакции на языковые единицы различного уровня. Исследование ассоциативных отношений позволяет реконструировать ассоциативно-вербальную сеть ЯЛ, выявить универсальные национальные составляющие языковой картины мира [Башкова, 2011: с. 51].

Основной коллектив школы составили ученые, работающие в Москве, Твери, Заволжье, позднее к ней примкнули лингвисты, которые использовали в исследовательской практике предложенный Ю.Н. Карауловым метод вербально-семантической сети и его идею уровневого устройства языковой

личности.

Проводимые в рамках школы исследования коррелируют с самыми актуальными тенденциями развития лингвистики, что говорит о том, что школа функционирует и развивается успешно. Зародилась новая междисциплинарная теория языковой личности, в которой нашли место идеи когнитивной лингвистики, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии с ее интересом к проблеме реконструкции национальной и индивидуальной языковой картины мира, лингвоконцептологии, этнопсихолингвистики.

1.4.2. Волгоградская лингвокультурологическая школа

Теорию языковой личности активно разрабатывают волгоградские лингвисты. Результаты деятельности волгоградской научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» отражены в сборниках научных трудов и материалов конференций.

С 2002 года языковая личность изучается волгоградскими лингвистами в научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика». В центре внимания ученых находятся ценности культуры. По словам В.И. Карасика, «постоянные характеристики (константы) языкового сознания и коммуникативного поведения определяют тип личности, группы и этноса и в этом смысле выступают как доминанты сознания и поведения <...> Доминанты сознания и поведения в концентрированном виде выражаются как ценности культуры» [Карасик, 2002: 5].

Разные аспекты языковой личности исследованы в докторских и кандидатских диссертациях, подготовленных волгоградскими учеными.

В волгоградской лингвистической школе разработаны типологии языковых личностей, построенные на различных основаниях (это возможно, поскольку ЯЛ – многомерное образование). В монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» (2002) В.И. Карасик предложил следующие

классификации языковых личностей:

а) с позиций этнокультурной лингвистики выделяются «типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь действует оппозиция “свой – чужой”» [Карасик, 2002: 9 – 10];

б) «<...> прагматика фразеологизмов позволяет противопоставить два типа языковой личности – эгоцентрический и социоцентрический.

Если человек обладает такой чертой характера, как эгоизм, то это напрямую отражается на его языковой личности. Такой человек будет стремиться любыми способами привлечь к себе внимание окружающих людей, а, следовательно, с целью подать себя более выгодно, украсить свою речь, вероятно, будет использовать множество ярких, необычных выражений, окказионализмов, фразеологизмов, примеров языковой игры и так далее. Социоцентрическая языковая личность будет использовать клишированные выражения для подтверждения своего статуса – в случае статусной неопределенности – для опознания членов своей социальной группы.

С иных позиций фразеологические образования в речи дают возможность установить фольклорное либо авторское основание для самоидентификации языковой личности <...>

Фразеологические единицы разных типов являются индексами и для противопоставления элитарной и вульгарной языковых личностей» [Там же: 16].

В настоящее время волгоградские лингвисты наиболее активно разрабатывают два направления изучения языковой личности: лингвокультурологическое и дискурсивно-персонологическое.

В.И. Карасик и О.А. Дмитриева в монографии «Языковые ключи»(2009), в разделе «Лингвокультурный типаж как предмет изучения», дают теоретическое обоснование лингвокультурологического описания языковой личности. Ученые отмечают, что языковая личность – это сложное образование и лингвоперсонология, будучи интегративной областью

гуманитарного знания, связана с лингвистикой, литературоведением, психологией, социологией, культурологией. Наряду с лингвистическими, литературоведческими, психологическими, социологическими классификациями личностей, существуют культурологические классификации. Они «предполагают выделение тех личностных типов, которые оказали существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры» [Карасик, 2009: 179].

В.И. Карасик обращает внимание на то, что «лингвокультурологические исследования по своей природе предполагают сопоставление изучаемых явлений, но такое сопоставление может быть двояким: 1) контрастивный анализ языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в сравниваемых лингвокультурах и 2) типологический анализ таких единиц, предполагающий построение на дедуктивной основе модели культурно-значимых отношений, например, в виде матрицы, и определение языковых способов избирательного заполнения такой матрицы <...> В первом случае исследование должно базироваться на данных, полученных из нескольких, минимум двух, языков, во втором случае вполне оправданным представляется обращение к фактографии одного языка» [Карасик, 2002: 76].

Представители других этносов оценивают этнокультурный тип в целом (NN ведет себя как типичный американец), а в рамках соответствующей культуры получают оценку социокультурные типы (американский ковбой, русский интеллигент, английский аристократ). Эти социокультурные типы рассматриваются в Волгоградской лингвокультурологической школе как модельные личности – им подражают либо противопоставлены представители той же самой культуры. Модельные личности устанавливают ценностные ориентиры поведения.

Волгоградские ученые предложили и более широкое понятие – лингвокультурные типажи – это обобщенные образы личностей, «чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на

лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества» [Дмитриева, 2007: 3]. Понятие лингвокультурный типаж пересекается с понятиями языковая личность, модельная личность, роль, стереотип, амплуа, персонаж, имидж и речевой портрет.

«Языковая личность, рассмотренная в аспекте типизированного лингвокультурного своеобразия коммуникативного поведения, становится лингвокультурным типажом. Иными словами, понятие языковой личности является более широким <...> В отличие от модельной личности, которая выступает как эталон поведения и пример для подражания, лингвокультурный типаж подобным примером не является (ср., например, модельную личность «учитель» и лингвокультурный типаж «бомж»))» [Там же: 10].

Лингвокультурный типаж менее ярок, чем модельная личность. «Таким образом, понятие *лингвокультурный типаж* уточняется по признакам яркости и оценочного знака: 1) яркий лингвокультурный типаж (модельная личность), 2) неяркий лингвокультурный типаж, 3) положительный лингвокультурный типаж, 4) отрицательный лингвокультурный типаж. Признаки яркости и оценки взаимодополнительны.

Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта» [Карасик, 2009: 180].

«Важнейшие смысловые дистинкции понятия «лингвокультурный типаж» состоят в типизируемости определенной языковой личности, значимости этой языковой личности для культуры, наличии ценностной составляющей в концепте, фиксирующем такую языковую личность, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, возможности ее конкретизации в реальном индивидууме либо персонаже художественного произведения, возможности ее упрощенной и карикатурной репрезентации, возможности ее описания с помощью специальных приемов социолингвистического и лингвокультурологического анализа» [Дмитриева,

2007: 12].

Представители Волгоградской лингвокультурологической школы, развивая теорию лингвокультурных типажей, создали целую серию работ.

Учеными описаны лингвокультурные типажи в рамках русской культуры: «интеллигент», «купец», «чиновник», «гусар», «казак», «декабрист», «светский москвич».

Лингвокультурные типажи в рамках культур других стран: «американский супермен», «американский адвокат», «звезда Голливуда», «британская королева», «английский чудак», «английский дворецкий», «английский сноб», «светский парижанин», «французский буржуа», «французская гризетка», «французский модник».

Лингвокультурные типажи виртуального дискурса: «хакер», «программист», «ламер», «чайник», «системный администратор» («сисадмин»), «модератор», «флудер», «спамер», «геймер», «падонак».

Дискурсивно-персонологическое направление изучает ЯЛ с позиций дискурса, в котором человек участвует. Такой подход к исследованию ЯЛ является прагмалингвистическим, поскольку, как отмечает В.И. Карасик(2009), в его основе лежит выделение типов коммуникативной тональности, характерной для того или иного дискурса. Под коммуникативной тональностью понимается эмоционально-стилевой формат общения, который определяет установки и средства общения коммуникантов, а под дискурсом – общение посредством текста [Башкова, 2011: с. 76].

В монографии «Языковые ключи» названы шесть ведущих положений, по которым может строиться типология дискурса, выделяемого на основе прагмалингвистического критерия: «1) одноплановость / многоплановость смыслов, 2) заданность / открытость реакций, 3) серьезность / несерьезность общения, 4) кооперативность / конфликтность общения, 5) приоритет содержания / формы общения, 6) конкретность / отвлеченность тематики» [Карасик, 2009: 320].

Таким образом, представители Волгоградской лингвистической школы исследуют языковую личность с разных позиций, однако на первый план в большинстве исследований выходит лингвокультурологический анализ, что, по-видимому, связано с тем, что волгоградские лингвисты проводят анализ ЯЛ на материале не только русского, но и других языков. Это дает им возможность проанализировать русскую ЯЛ в сопоставительном аспекте. Особо следует отметить заслуги В.И. Карасика, в трудах которого и в работах его учеников (О.А. Дмитриевой, О.В. Лутовиновой и др.) получила дальнейшее развитие методология исследования языковой личности объединяющая достижения лингвоперсонологии и лингвокультурологии.

1.4.3. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка»

Один из признанных в России центров исследования языковой личности – это Саратов, где много лет работает научная школа «Изучение функционирования русского языка», получившая институциональное оформление на кафедре русского языка и речевой коммуникации Саратовского госуниверситета и объединившая не только лингвистов Саратова, но и многих российских и зарубежных ученых [Кормилицына, Сиротинина, 2006, 2007]. Результатом работы школы в сфере теории языковой личности стали докторские диссертации, защищенные в СГУ.

Достижения Саратовской школы «Изучения функционирования русского языка» признаны и в России, и за рубежом. Отметим те моменты в её работе, которые так или иначе связаны с изучением языковой личности.

Прежде всего, это принципы школы, сформулированные О.Б.Сиротининой и М.А. Кормилицыной:

- 1) внимание к функционированию русского языка, его системе в действии, в реальной жизни, к частотности фактов;

- 2) внимание к функционированию русского языка в разных сферах и средах общения: функционально-стилевая дифференциация языка в её конкретных проявлениях, в том числе в СМИ, в обиходе, в научных и художественных текстах и т.д.; устной, письменной и Интернет-речи; социальной дифференциации (речь ученых, писателей, актеров, предпринимателей, молодежи и т.д.);
- 3) стремление к выявлению факторов, влияющих на изменения в функционировании языка: фактор личности говорящего / пишущего, фактор адресата, ситуации речи и т.д. (см.: [Кормилицына, Сиротина, 2007: 58]).

Разработанная в рамках школы теория типов речевой культуры литературного языка и критериев хорошей речи, исследование соотношения типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении, исследование функционирования отдельных языковых явлений в речи представителей разных социальных групп имеют большое значение для теории языковой личности.

Развивая концепцию Н.И. Толстого, саратовские лингвисты внесли уточнение в понятие «речевая культура», связав его с типом общей культуры, с отношением человека к знаниям вообще, знаниям о языке и его нормах, со степенью владения функционально-стилевой дифференциацией литературного языка, соблюдением его норм и степенью творческого начала в речи. Эти идеи получили воплощение в работах по речевому портретированию.

Разделение носителей языка по типам речевой культуры позволяет дифференцировать языковые личности по их реализации в речевой (или дискурсивной) деятельности и, таким образом, является значимым параметром их социолингвистической классификации. Каждый народ обладает особыми национальными речевыми культурами, характерными традициями общения, типами языковых и речевых предпочтений, связанных

с условиями жизни людей, различием в их коммуникативных возможностях и потребностях, степенью образованности и т. д. (см.: [Гольдин, Сиротинина, 1993, 1997; Толстой, 1995]).

В системе внутринациональных русских речевых культур выделяют несколько типов: народную речевую культуру сельских жителей, говорящих на диалекте, массовую просторечную культуру малообразованных горожан, арготическую культуру профессионально ориентированного и профессионально ограниченного характера и речевые культуры, связанные со сферой действия литературного языка, – элитарную, среднелитературную, литературно-разговорную и фамильярно-разговорную.

Речевую культуру общества составляют речевые культуры его членов. Исследования саратовских лингвистов показали, что «наибольшее распространение в современной России имеет среднелитературный тип речевой культуры (в СМИ конца XX в. – среднелитературный или литературно-жаргонизирующий), однако во всех слоях общества, в его разных профессиональных группах есть и носители полно- и неполнофункциональных типов» [Кормилицына, Сиротинина, 2007: 59]. При этом профессиональная деятельность человека существенно влияет на формирование у него того или иного типа речевой культуры.

В ряде работ представителей Саратовской лингвистической школы проведено исследование особенностей функционирования русского языка в речи разных социально-профессиональных групп, дано описание языковых личностей представителей разных профессий. Например, в кандидатской диссертации М.И. Барсуковой «Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача» (2007) представлен речевой облик современного врача на основе анализа его профессионального общения с пациентом в различных коммуникативных ситуациях, проведено многоаспектное исследование речевых стратегий и тактик медицинского дискурса и способов их реализации, рассмотрен этический аспект речевого поведения врача.

Таким образом, в развитие теории языковой личности вносят вклад следующие разработки лингвистов Саратова:

- 1) исследование речевой культуры как отношения человека / общества к языку, знаниям о нем, к соблюдению норм;
- 2) разработка типологии речевой культуры и соотнесение с нею типов речевого поведения, понятий риторической и коммуникативной компетенции;
- 3) исследование особенностей функционирования русского языка в речи разных социально-профессиональных групп, речевое портретирование представителей разных профессий;
- 4) определение влияния профессиональной деятельности человека на формирование у него того или иного типа речевой культуры;
- 5) создание риторических портретов представителей административно-политической элиты общества;
- 6) исследование функционирования русского языка в средствах массовой информации; создание речевых портретов отдельных журналистов;
- 7) разработка методики определения типа языковой личности в связи с выбором внутрижанровой стратегии в конфликте;
- 8) установление соотношения типов речевых культур с формами речевого воздействия;
- 9) исследование онтогенеза речевого мышления, изучение становления языковой личности ребенка;
- 10) изучение языковой личности в аспекте связи с отдельными уровнями языка.

1.4.4. Томская диалектологическая школа

Главная особенность работы томских лингвистов в направлении изучения языковой личности – это то, что объектом их изучения является конкретная языковая личность. Обосновывая такой путь развития

лингвоперсонологии, профессор Е.В. Иванцова пишет: «Объектом и предметом» лингвоперсонологии В.П. Нерознак называет «частночеловеческую языковую личность», связывая изучение «многочеловеческой» ЯЛ с лингвокультурологией. Он противопоставляет две данные области знаний по основной таксономической единице: в первой из них это идиолект (язык индивидуальной личности), во второй – полилект (национальный язык как совокупность идиалектов). На наш взгляд, более точной была бы трактовка конкретной языковой личности как объекта лингвоперсонологии, тогда как предмет изучения определяется аспектами описания объекта и задачами исследования» [Иванцова, 2010: 22 – 23]. Под языковой личностью понимается «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [Иванцова, 2002: 24].

С 1981 года томские лингвисты описывают речь одной языковой личности – носителя сибирских старожильческих говоров Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 года рождения, русской, коренной жительницы села Вершинино Томского района Томской области. «Данная ЯЛ была избрана в качестве объекта изучения прежде всего как типичная: во-первых, как рядовой носитель языка, каковых среди носителей языка вообще подавляющее большинство, во-вторых, как типичный житель села, владеющий одной из основных форм национального языка – диалектом. Со вторым параметром связан выбор языковой личности старшего поколения, в архаическом варианте языка которого наиболее полно сохраняются черты традиционного говора и народной крестьянской культуры. В то же время информант обладает способностью к языковой рефлексии, образной и выразительной речью и вследствие этого интересен как одновременно типичный и ярко индивидуальный носитель языка» [Иванцова, 2006: 6]. Таким образом, уже сам выбор языковой личности в качестве объекта изучения свидетельствует о том, что в работах представителей Томской школы соединяется анализ типических и индивидуальных черт говорящего.

Характеризуя работу томских лингвистов, Е.В. Иванцова в статье «Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе» (2006) выделяет следующие особенности работы данной школы.

1. Принципиальная ориентация на изучение реальной языковой личности.

2. Особенности материала, служащие основой для анализа. Томские диалектологи создали фундаментальную текстовую базу конкретного рядового носителя языка во всех типичных для него формах речи: речь В.П. Вершининой записывали в ситуации непринужденного общения с 1981 по 2004 годы.

3. Разнообразие источников изучения языковой личности: а) первичные источники: дешифрованные с магнитной ленты тексты (более 10000 печатных страниц), фонотека речи В.П. Вершининой (более 200 часов звучания), б) вторичные источники: картотека недифференцированного толкового словаря языковой личности (свыше 100000 карточек), рукопись «Полного словаря языковой личности» (более 20000 словарных статей), ряд аспектных словарей.

4. Последовательно проводимый комплексный подход к изучению языковой личности. «Для решения глобальной задачи всестороннего исследования феномена диалектной языковой личности в работах томских лингвистов изначально был выдвинут принцип многоаспектного, системного описания различных форм проявления этого объекта, определения его доминантных характеристик» [Иванцова, 2006: 8].

Пока что наиболее детально описан лексикон диалектоносителя (см. работы Е.В. Иванцовой, А.И. Быковой, Е.А. Крапивец): соотношение элементов активного и пассивного запаса, системные связи единиц индивидуального словаря, объем лексикона и входящих в него элементов разных грамматических классов и др.

В Томской школе большое внимание уделяется разработке методологической базы лингвоперсонологии. Важным этапом в

формировании молодой науки стало издание в Томском университете в 2010 году учебного пособия Е.В. Иванцовой «Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности». Учебник включает шесть глав: «История формирования лингвоперсонологии как научной дисциплины», «Основные теоретические понятия лингвоперсонологии», «Факторы, определяющие индивидуальность языка личности», «Типология языковых личностей», «Источники изучения языковой личности», «Формирование методологических основ исследования языковой личности». В книге рассмотрены этапы формирования лингвоперсонологии, складывающийся терминологический аппарат, факторы, влияющие на индивидуальность речевых характеристик, типологии объекта описания, методы и источники изучения языковой личности. Представлены достижения лингвистов ведущих научных школ России в области анализа конкретных языковой личности [Башкова, 2011, с.89].

Таким образом, в Томской лингвистической школе не просто успешно ведется многолетнее комплексное изучение конкретной языковой личности, но и многое делается для того, чтобы лингвоперсонология развивалась как полноценная самостоятельная научная дисциплина.

1.4.4.Лингвоперсонологическая школа Барнаула и Кемерова

Лингвисты из сибирских городов Барнаула и Кемерова внесли большой вклад в развитие лингвоперсонологии как самостоятельной науки как в плане генерирования новых идей, так и в объединении усилий работающих в этом направлении ученых из разных регионов России. В Барнауле и Кемерове издано несколько коллективных монографий, учебных пособий, сборников научных статей и материалов конференций, которые вносят весомый вклад в разработку теоретических оснований новой науки.

В Барнауле и Кемерове теория языковой личности разрабатывается в нескольких направлениях, результаты работы ученых отражены в докторских

и кандидатских диссертациях. В ряде этих исследований языковой личности является основным объектом изучения, в остальных работах анализ основного объекта соприкасается с теорией языковой личности в определенных аспектах.

Наиболее яркой отличительной чертой барнаульских и кемеровских исследований является разработка положений о лингвоперсонологическом функционировании и лингвоперсонологической вариативности языка, сформулированных идейным вдохновителем лингвоперсонологической программы в Кемеровском государственном университете профессором Н.Д. Голевым.

Размышляя о том, что собой представляет лингвоперсонология, Н.Д. Голев и Н.В. Сайкова вслед за В.И. Карасиком выделяют два аспекта этой науки – с позиций личности и с позиций языка:

«Аспект 1. Персонология в языковом измерении как аспектуальное направление персонологии – наука о личности (С. Трубецкой, Э. Мунье, Ш. Ренувье и др.) <...>

Аспект 2. Лингвистика в персонологическом измерении, предполагающем описание языка, текста, речевой деятельности в персонологическом аспекте. Здесь язык (лексема, категория, текст, речевая деятельность) – предмет изучения, но изучается он сквозь призму характеристик личности. Язык функционирует в личностном универсуме (по Э. Мунье), или лингвоперсонологическом пространстве, а потому, согласно данному подходу, устройство языка, разнообразие типов речевых произведений и типов речевого поведения объясняется в том числе и разнообразием языковых личностей. При таком подходе типы языковой личности выделяются по результатам исследования, типологизации продуктов речевой деятельности носителей языка» [Голев, Сайкова, 2007: 8 – 9].

Лингвисты Кемерова и Барнаула преимущественно работают в рамках второго аспекта лингвоперсонологии – лингвистики в персонологическом

измерении. Суть лингвоперсонологической гипотезы языка такова: «принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка коррелятивны между собой, и поэтому есть основания говорить об их относительном изоморфизме. Такая корреляция восходит к генетической взаимодейстерициации и к синхронному взаимодействию языка и социальной психологии <...> Применительно к языковой системе в генетическом аспекте данный вариант гипотезы может быть представлен следующей формулой: язык устроен так, а не иначе еще и потому, что он обслуживает разные типы языковых личностей (носителей разных вариантов языковой способности) и по этой причине имеет на своих полюсах разные качества и свойства» [Голев, 2004: 41 – 42].

Лингвоперсонологическая гипотеза языка последовательно разрабатывается лингвистами Кемерова и Барнаула с 2004 года. Результаты исследований, представленные в серии диссертаций, показали перспективность этого направления лингвоперсонологии, которое помогает объяснить вариативность языка с позиций антропоцентризма.

Еще одной отличительной особенностью барнаульских и кемеровских лингвоперсонологических работ является то, что в них большое внимание уделяется синтезу теории и практики, связи лингвистики с дидактикой: «теоретические исследования в области языковой личности, выявляющие ее основные признаки и параметры описания, и типология на основе данных параметров служат основой для практической диагностики и портретирования, а также проекции исследований в лингводидактическую сферу, предполагающую разработку методик обучения родному и иностранным языкам с учетом индивидуально-типовых характеристик учащихся <...> тогда целью курса «Русский язык» в школе и вузе становится развитие языковой личности, различных компонентов ее способности, например, орфографического, пунктуационного, лексического, синтаксического и т.д.» [Голев, Сайкова, 2007: 9 – 10].

Лингводидактические исследования показывают, что «разнообразие качеств способности учащихся есть высочайшая жизненная ценность (изначально биологическая, но далее социализированная, окультуренная), которая должна в соответствии с этим стать важнейшей презумпцией образования» [Голев, 2009: 9]. Методическая работа лингвистов Кемерово и Барнаула направлена на то, чтобы изменить образовательную стратегию отечественной школы, которая выстраивает стандарты под один определенный тип языковой личности – логико-рациональный и элементаристский, не учитывая другие типы языковой личности, имеющие свои сильные качества. Как отмечает Н.Д. Голев, «суперпроблема современной школы – неумение работать с «правополушарными детьми» с сильно развитой интуицией, склонностью к образному мышлению и т.п.» [Там же: 16].

1.5. Эмотиология

1.5.1. История становления науки

Научный интерес к сфере эмоций возник у ученых давно. Сначала эмоции были объектом изучения отдельных наук: философии, психологии, лингвистики, но затем дисциплины начали процесс постепенной интеграции стали образовываться междисциплинарные объединения, в результате чего эмоции стали совместно изучаться лингвистами, специалистами по кибернетике, математиками и биологами.

Лингвистика эмоций (эмотиология) сформировалась на стыке психологии и языкознания и вошла в сферу научных интересов многих выдающихся лингвистов (И.В. Арнольд, Э.С. Азнаурова, В.И. Шаховский), которые сумели определить приоритетное направление в развитии науки второй половины XX в. – антропоцентризм.

В течение длительного времени лингвисты дискутировали, следует ли

лингвистике изучать эмоции. Ученые, считавшие важнейшей когнитивную функцию (К. Бюлер, Э. Сепир) отрицали важность эмоциональной составляющей в языке. Другие, напротив, говорили о важности выражения эмоций в языке (Ш. Балии, М. Бреаль). После выступления Ф. Данеша на пленарном заседании XIV Международного конгресса лингвистов в Берлине в 1987 тема «язык и эмоции» вошла в пятерку приоритетных направлений в лингвистике, что стало стимулом для многих российских и зарубежных ученых. Проблема изучения эмоций и их выражения вышла на первый план.

Однако при изучении эмоций лингвисты столкнулись с рядом затруднений. Во-первых, эмоции чрезвычайно сложны как феномен человеческой психики, и, соответственно, их вербализация, их языковое выражение ещё сложнее и с трудом поддаётся объективному анализу. Во-вторых, эмоциональные средства языка связаны непосредственно с чувствованиями, ощущениями – явлениями, которые трудно дифференцировать и которым проблематично дать точные определения.

1.5.2. Волгоградская школа лингвистики эмоций

Большой вклад в исследование эмоций в лингвистике был внесен Волгоградской научной школой лингвистики эмоций, появившейся в начале 1990-х годов. Ее руководителем стал выдающийся ученый В.И. Шаховский, ученый, который в 1969 г. защитил первую диссертацию по этой теме, поставив лингвистику эмоций в центр своих исследований. В языкознании традиционно противопоставлялось рациональное и эмоциональное: язык связан с мыслями, эмоции же второстепенны для понимания смысла. Шаховский придерживался другого мнения. Он установил, что эмоции представляют собой мотивационную и когнитивную базу языка и неразрывно связаны с ней.

Работы Шаховского и результаты, полученные его учениками в ходе исследований, позволили продвинуться вперед в изучении текстовой

эмотивности. Представители Волгоградской школы считали необходимым перейти от рассмотрения самих эмоций в языковом пространстве к исследованию эмоционального пространства языковой личности. Важным шагом для этого стало введение Шаховским понятия «эмоционального дейксиса» для объяснения специфики коммуникативного поведения говорящих [Шаховский, 1987: с. 85].

Актуальными проблемами, которым уделяется внимание в Волгоградской школе лингвистики эмоций в наши дни, являются: исследование языкового кода, механизмы управления собственными эмоциями и распознавания чужих эмоций в процессе коммуникации, вопросы эмоциональной особенности речи в разных ситуациях.

Благодаря большому количеству исследований как Волгоградской школы лингвистики эмоций, так и других научных центров и отдельных ученых, собрано много данных об эмоциональной сфере человека, и некоторые постулаты являются на данный момент общеизвестными: эмоции тесно связаны с сознанием; они меняются со временем, универсальны и узнаваемы во всех культурах.

Известно также, что есть эмоции, есть их физиологическая экстериоризация (смех, слезы, тремор и т.д.) и есть разные способы их вербализации – называние, выражение, описание [Шаховский, 1987]. Иначе говоря, существует как бы две системы эмоций, находящиеся во взаимодействии, – Body language (язык тела) и Verbal language (вербальный язык, словесный язык), где первичная система превосходит вторичную по прямоте, надежности, скорости и др. Эмоции никогда не проявляются в чистом виде, и их вербальная идентификация всегда субъективна. Во всех культурах существует дихотомия по оценочному признаку, причем негативные эмоции, преобладавая в количественном соотношении, уступают положительным в употреблении, что позволяет сделать вывод о стремлении человечества к позитивности, о положительной тенденции. Можно отметить и другое сходство для многих культур: негативные эмоции чаще выражаются

многообразно и отчетливо, в то время как положительные – диффузно и однообразно.

Изучение эмоций с позиций антропоцентризма представляется интересным, поскольку слова-номинанты эмоций имеют неодинаковые объяснения их происхождения в этимологических словарях. Исследования в этом направлении позволили сделать вывод о том, что наиболее значимыми (поскольку появились первыми в языке) для жителей Англии были чувства боязни, гнева, самоуверенности, душевной боли, удовольствия. Можно предположить, что это связано с характером типичного англичанина, которому свойственны такие черты, как чопорность, сдержанность, стремление к сохранению покоя, самообладанию. В русской же языковой культуре отмечается преобладание негативных эмоций (страха, грусти, горя, гнева и др.) над позитивными (радости, восторга и др.). Возможно, положительные эмоции воспринимались обыденно русским человеком, в то время как отрицательные являлись более впечатляющими и поэтому чаще фиксировались в письменных памятниках.

В современной лингвистике взаимосвязь языка и культуры не вызывает сомнений. Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры. Язык как система призван выражать не только мысли, но и чувства, так как именно взаимодействие сфер рационального и эмоционального в сознании и мышлении позволяет человеку эмоционально переживать то, что язык отражает. Это переживание проявляется в эмоциональном отношении языковой личности к предмету речи. Таким образом, эмоции, а точнее их выражение в языке, занимают одно из ведущих мест в сфере интересов современной лингвистики.

Когнитивная теория эмоций (эмотиология), объединяющая когнитивную психологию и лингвистику, высветила новую проблематику изучения эмоциональных явлений. В исследованиях по эмотиологии используются полученные в других областях знания об эмоциях, в частности,

данные когнитологии, и на их основе разрабатывается лингвистическая концепция эмоций. Поэтому вполне логично то, что эмотиологию определяют как науку о вербализации, выражении и коммуникации эмоций. В рамках этой теории эмоции рассматриваются в тесной связи с когнитивными процессами, а связь их обосновывается следующим образом: когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов. Отсюда следует суть лингвистической концепции эмоций, заключающаяся в следующем: человек (субъект) отражает существующий мир, но не все подряд, а только необходимое или ценное в данный момент. Процесс отражения эмоций регулирует эмоции, так как именно они являются посредниками отражения мира в языке за счет того, что они выражают важность объектов мира для говорящего и слушающего [Нашхоева, 2011: с.15].

Кроме того, вербальная идентификация эмоций всегда субъективна, они не проявляются в чистом, не связанном с ситуацией и субъектом, виде. «Эмоции всегда ситуативны и когнитивны», (т. е. в их основе лежат познавательные процессы), поэтому и выбор языковых средств всегда связан с ситуацией, так как имеются как минимум две системы выражения эмоции – язык тела и язык слов. Кроме того, нормы выражения эмоций не стабильны от культуры к культуре, причем это касается не столько способа выражения эмоций, сколько в каких условиях это разрешено.

Отсюда следует вывод, что эмоциональное самовыражение часто самым непосредственным образом связано с языком. Это возможно потому, что язык в широком понимании (включающий в себя как язык тела, так и слова) есть основной вид знаковой системы, неоднородной по своей структуре и состоящей из языковых и пара-языковых явлений, которые тоже следует рассматривать как типы знаков. Но выражаются эмоции в процессе речевой деятельности человека (где активизируется язык слов), то есть в коммуникации, которая также носит знаковый характер и строится по

принципу совместной деятельности, в результате которой возникает контакт двух сознаний и происходит передача содержания от одного коммуниканта к другому. Эта знаковая цепь оказывается коммуникативным процессом, в основе которого лежат субъективно-субъективные отношения, и именно они передают информацию от одного субъекта к другому, вызывая у последнего ответные мысли, переживания, оценки.

На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность; эмоция есть психологическая категория, а эмотивность – языковая, поскольку эмоции могут и вызываться, и передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком.

Эмоции – специфическая, своеобразная форма когниции, отражения и оценки окружающей человека действительности. Человеческие переживания, как в зеркале, отражаются в языке и культуре социума, в каждой языковой личности. Без эмоций невозможно языковое существование *homo sapiens*, они пронизывают все стороны жизни человека.

Уже не вызывает ни у кого сомнений то, что число антропоцентрических значений в языке гораздо больше, чем обыкновенно думают. Эмотивное значение является, несомненно, наиболее антропоцентрическим значением, активно изучаемым в последние годы XX века новой отраслью языкознания – эмотиологией.

В эмотиологии принято деление языковых единиц, объективирующих эмоции, посредством их а) обозначения или названия; б) различных видов дескрипции; в) выражения в речи.

Под выражением эмоций в эмотиологии понимается их непосредственное речевое проявление, производимое при помощи специфических единиц-эмотивов, семантика которых «индуцирует эмоциональное отношение».

Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности.

Эмотивность есть имманентно присущее языку семантическое свойство выражения эмоциональности как факта психики системой своих средств, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции.

Являясь ценностным континуумом языка, категория эмотивности пронизывает все сферы жизнедеятельности человеческого бытия и, в частности, оказывается в центре проблемы понимания языковой личности. Любая человеческая деятельность обязательно имеет в своей основе эмоциональные переживания, которые привносят в лексику и фразеологию языка «едва уловимую химическую субстанцию», варьирующую их смыслы в различных коммуникативных ситуациях и их интерпретацию речевыми партнерами.

Несмотря на то, что проблема эмотивности сегодня все больше привлекает внимание лингвистов и ни одно из современных фундаментальных исследований текста не обходится без указания на важность изучения его эмотивного аспекта, эмотивность остается одним из наиболее неопределенных качеств текста. Сложность и многоаспектность феномена текстовой эмотивности обуславливают существование разнообразных подходов к его изучению: психолингвистического (Витт Н.В., Гридин В.Н., Носенко Э.Л., Шахнарович А.М. и др.), стилистического (Азнаурова Э.З., Болотов А.Г., Матвеева Т.В. и др.), коммуникативного (Быдина И.В., Городникова М.Д., Змеева Г.Е., Пиотровская Л.А., Маслова В.А., Шаховский В.И. и др.), лингвокультурологического (Вежбицкая А., Вильмс Л.Е., Воркачев С.Г., Селяев А.В., Томашева И.В. и др.), когнитивного (Баранов А.Г., Данеш Ф., Книпкенс Е., Цваан Р. и др.). В рамках каждого из подходов вырабатываются собственные концепции текстовой эмотивности, используется своя терминология и особые методы исследования. Существование в науке разнообразных подходов и множества противоречивых точек зрения на предмет изучения свидетельствует о его недостаточной изученности [Нашхоева, 2011: с.15]..

Статус текстовой эмотивности в современной текстолингвистике является недостаточно определенным: она часто отождествляется с экспрессивностью, оценочностью, рассматривается в составе одного из планов текста – экспрессивно-эмоционального, эмоционально-психологического, прагматического, что неоправданно расширяет или сужает объем понятия «текстовая эмотивность».

Существование в лингвистической литературе многочисленных терминологических и метафорических обозначений эмотивных явлений в тексте (эмоциональная нагрузка, эмоциональная окраска, эмотивный план, эмотивный тон, эмоциональный «ореол», эмоциональная «дымка», чувственный фон) затрудняет понимание исследуемого явления и делает необходимым дифференцировать основные понятия, относящиеся к проблеме исследования эмоций в тексте.

Неразличение понятий «эмотивность текста» и «эмотивный текст», обусловленное тем, что эмотивность долгое время признавалась свойством исключительно художественных текстов, стало причиной недостаточной исследованности эмотивных особенностей текстов других функциональных стилей.

Эмотивность текста двусторонняя, она имеет план содержания и план выражения. Эмотивное содержание распределяется по основным уровням текста: с одной стороны, она в виде эмотема входит в когнитивное содержание текста, с другой – составляет эмоциональную часть прагматических стратегий автора. В плане выражения эмотивность линейна и представлена в тексте всем набором языковых и текстовых маркеров эмоций, мотивированных многоуровневым эмотивным содержанием.

Функционольно-семантическая категория эмотивности в тексте может быть представлена через комплекс дифференцируемых нами понятий, отражающих ее содержание и форму: эмотивный фон, эмотивная тональность, эмотивная окраска. Эмотивное содержание характеризуется при помощи понятий эмотивного фона и эмотивной тональности и находит

отражение в формальных особенностях текста – в его эмотивной окраске.

Эмотивность является интегральным качеством текстов: она в разной степени присуща текстам всех основных функциональных стилей литературного языка (научного, официально-делового, публицистического, художественного). Их эмотивная специфика может быть определена через соотношение понятий эмотивного фона, эмотивной тональности и эмотивной окраски.

Выявление различных элементов эмотивного содержания текстов, а также учет их функциональных особенностей обуславливает существование различных групп функций, свойственных текстовой эмотивности: функций по соотношению эмоциональной и рациональной информации в тексте (дублирующей, компенсирующей, замещающей) и функций по прагматическим задачам (эмоциональное самовыражение автора, эмоциональная оценка, эмоциональное воздействие на адресата).

Эмотивность имеет двусторонний характер. Эмотивность в тексте является отражением различных аспектов человеческой эмоциональности и в то же время является характеристикой языковых и текстовых средств, служащих для кодирования эмотивного содержания.

Для решения задачи по выявлению видов эмотивного содержания в тексте следует использовать положения когнитивной науки. Когнитивная лингвистика выявила, что в ментальном представлении текста выделяются принципиально различные эмоциональные явления, которые соответствуют эмотивности как объекту отражения и как способу отражения: первый тип эмоций относится к миру, описываемому в тексте, второй связан с характером интерпретации этого мира автором.

Таким образом, в тексте категория эмотивности отражает различные виды эмоционального содержания: с одной стороны, эмоции в виде эмотем входят в когнитивное содержание текста, с другой – составляют часть прагматических стратегий автора текста. Данные виды эмотивного содержания можно условно обозначить соответственно как эмотивный фон

текста и его эмотивная тональность.

Под эмотивным фоном (ЭФ) мы понимаем эмотивность когнитивного (гносеологического) уровня текста, состоящую в экспликации одной или нескольких эмотивных тем (эмотем). ЭФ может быть представлен в тексте набором эмотем, которые составляют три типа: 1) эмотемы, основанные на знании прецедентных эмоциональных ситуаций, 2) эмотемы, основанные на экспликации эмоциональных состояний, 3) эмотемы, основанные на категории ненормы (термин В.И. Болотова).

Данные виды эмотем могут выступать в тексте в различных статусах: в статусе основной темы текста или в статусе микротемы (подтемы, субподтемы).

Место эмотем в тематической структуре текста определяют особенности соотношения рациональной и эмоциональной информации в тексте и роль эмотивности в тексте.

Под эмотивной тональностью (ЭТ) в тексте мы понимаем эмотивность коммуникативного (психологического) уровня текста, которая рассматривается с точки зрения доминирования одной из прагматических задач: эмоционального самовыражения, эмоциональной оценки или эмоционального воздействия. В связи с этим, опираясь на существующие классификации видов дискурса с точки зрения прагматических задач и видов высказываний с точки зрения видов оценки (Маркелова Т.В.), мы рассматриваем три вида ЭТ в тексте:

1) ЭТ эгоцентрического типа, 2) ЭТ объектного типа, 3) ЭТ адресатного типа.

Особенности эмотивного содержания конкретного текста, по нашему мнению, могут определяться спецификой соотношения ЭФ и ЭТ (т. е. эмотем различных статусов, представленных в тексте, и видов доминирующих ЭТ).

Количественные разновидности текстовой эмотивности связаны с уровнями текстовых элементов, которые характеризуются эмотивным содержанием:

Эмотивная тема — Эмотивная тональность текста — Эмотивная подтема — Эмотивная тональность.

Эмотивная(ые) субподтема(ы) — Эмотивная тональность — Отсутствие эмотем — Отсутствие элементов ЭТ.

Определение места эмотем в тематической структуре текста и места эмотивных задач в структуре его прагматических задач позволяет сделать вывод о текстообразующем характере текстовой эмотивности.

Качественные разновидности текстовой эмотивности определяются типами сочетаний оценочных знаков и модальностей доминирующих эмоций ЭФ и ЭТ. Сочетание близких по своему содержанию фоновых и тональных эмоций обуславливает повышение их интенсивности.

Сочетание эмоций, различных по модальности и оценочному знаку, может являться источником появления эмоций нового качества.

Совокупность контрастных эмоций предопределяет возможность выявления эмоционального подтекста, который лежит в основе иронии и может являться источником комического эффекта произведения.

Выявление эмоциональных компонентов текста происходит при помощи различного вида знаков, содержащихся в его поверхностной структуре. Набор языковых и текстовых средств, используемых автором для кодирования эмоционального содержания мы называем эмотивной окраской (ЭО) текста.

ЭО определяет формальную сторону эмотивности текста. Ее особенностью является необходимость представления многослойного эмотивного содержания в виде последовательности языковых единиц, представляющих собой дискретные фрагменты этого содержания.

В качестве важной особенности языковых средств выражения внутреннего переживания отмечается их синсемантизм, т. е. недостаточность одного языкового средства для передачи сложных эмоциональных состояний, необходимость актуализации в тексте целого комплекса средств для адекватной передачи эмоций.

Среди них важное место занимают собственно эмотивные языковые средства, являющиеся экспрессивными по своей форме (фонетические, словообразовательные, синтаксические).

Закономерным является тот факт, что близкие по своему эмоциональному характеру средства притягивают друг друга, образуя целые комплексы в составе текстового фрагмента. Скопление эмотивов в сравнительно небольшом фрагменте текста определяет высокую степень экспрессивности текста, которая может быть охарактеризована при помощи понятия плотности эмотивной ткани.

В формировании ЭО текста, помимо эмотивных средств (эмотивов), могут принимать участие также нейтральные языковые средства, называющие или описывающие эмоциональные ситуации, которые выступают в качестве маркеров эмоций.

В тексте таким маркером может выступать лексика эмоций (грусть, радость, гнев, страх и их формы (рад, с грустью, в гневе, страшно, обрадовался).

В качестве маркеров эмоций в тексте могут рассматриваться также имена эмоциональных концептов (например, родина, семья, война, мать и т. п.), которые в тексте указывают на эмоциональные ситуации и являются ключевыми словами, представляющими эмотивную тему (микротему) текста.

Определение ЭО текста, однако, не может сводиться к поуровневому анализу языковых средств эмотивности: важным оказывается также способ их расположения в тексте. При этом большое значение приобретают текстовые, стилистические средства организации текста: его структура, способы чередования экспрессивных и нейтральных фрагментов, распределение эмотивных маркеров по композиционным частям текста.

Эмотивность присуща текстам не только художественного стиля, но и тех стилей, которые традиционно считались неэмотивными. Это дает возможность существенно дополнить выводы об особенностях текстовой эмотивности, сделанные на основании одного стиля, выделить помимо

замещающей также дублирующую и компенсирующую функции эмотивности в тексте. Различное место элементов эмотивного фона и эмотивной тональности в содержании текста обуславливает необходимость различения таких понятий, как «эмотивность текста» и «эмотивный текст», разграничение которых можно осуществить при помощи дифференцируемых понятий эмотивного фона, эмотивной тональности и эмотивной окраски.

В настоящее время в лингвистике эмоций можно выделить следующие проблемы, уже сложившиеся в несколько приоритетных направлений:

- типология эмотивных знаков, служащих для фиксации различных проявлений эмоций;
- влияние эмоционального типа mind style на формирование языковой картины мира, понятие эмоциональной языковой картины мира;
- коммуникация эмоций;
- корреляция лексиконов эмоций различных языков мира;
- национально культурная специфика выражения эмоций;
- критерии эмотивности языка и его знаков;
- соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций;
- влияние эмансипации эмоций на языковые процессы;
- эмоциональная окраска текста;
- эмотивное семантическое пространство языка и эмотивное смысловое пространство языковой личности;
- лексикография эмотивности;
- прагматика описания и выражения своих сиюминутных, прошлых и чужих эмоций, сокрытие, имитация, симуляция эмоций [Шаховский, 1987: с. 85].

Достижения эмотиологии, как отечественной, так и зарубежной, только за последние 10 лет довольно внушительны:

- доказано существование эмоционального дейксиса у языковой личности, эмоционального тренда / индекса национальной лингвокультуры;
- установлено наличие семантических признаков и конкретизаторов как

составляющих мельчайших эмотивных смыслов;

- выявлены факты эмоциональных доминант текста, высказывания;
- установлена процедура (языковой механизм) эмоциональных приращений к языковой семантике;
- выделен специфический тип валентности – эмотивной валентности – языковых и речевых единиц, благодаря которой происходит эмоциональное приращение смыслов;
- установлена категориальность эмотивности языка и ее полистатусность;
- выделен ряд новых направлений в эмотиологии: «Лингвокультурология эмоций», «Концептология эмоций», «Гендерная эмотиология», «Голос эмоций в политической лингвистике», «Когнитивно-дискурсивная эмотиология», «Эмотивность текста», «Эмотивная лакунарность в межкультурной коммуникации» и др [Шаховский, 1987: с. 85].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Лингвоперсонология – это наука, которая изучает языковую личность. Разработка данной дисциплины является одним из проявлений антропоцентрической парадигмы в современном языкознании. Антропоцентризм, экспансионизм и экспланаторность (отличительные черты современной науки о языке) проявились в теории языковой личности достаточно ярко.

В центре внимания исследователя находится человек и всё, что с ним связано: его ценности, чувства и эмоции. Существует множество научных школ и направлений, но одним из самых перспективных и активно разрабатываемых на сегодняшний день является семантическая лингвоперсонология.

Смежным направлением можно назвать эмотиологию (или науку об

эмоциях). Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности. Особый интерес к данной научной области возник в XX в., в частности, в трудах таких лингвистов, как Э. Сепир, Ш. Балли, М. Бреаль, Г. Гийом и др. На сегодняшний день проблемами эмотиологии занимаются такие ученые, как В. И. Шаховский, А. Вежбицкая, В. И. Жельвис, Е.В. Лукашевич, Н. А. Лукьянова, З. Е. Фомина и др.

ГЛАВА 2. ЭМОТИВНАЯ СЕМАНТИКА В РАССКАЗАХ И ДНЕВНИКАХ Л.Н. АНДРЕЕВА

2.1. Общая характеристика семантики эмоций в текстах Л.Н. Андреева

О семантической окраске текстов Леонида Андреева можно догадаться, даже не будучи знакомым ни с одним его произведением. Общая мрачная тональность – это скорее типичная черта писателя, творившего на рубеже веков, причём как в России, так и за рубежом. По-настоящему непростые времена оставляли свой отпечаток на каждой судьбе, на каждом таланте. Война, революция, голод, эмиграция – вот каковы были реалии для автора «Иуды Искарота» и «Бездны». Однако не стоит связывать мрачную эмоциональную окраску его художественного мира исключительно с внешними факторами, причина коренится гораздо глубже.

Картина мира автора зависит по большей части не от внешних условий, а от его внутреннего восприятия. На рубеже веков известно множество писателей, не переживших ни лишений, ни невзгод, но тем не менее так остро чувствовавших всю трагичность этого смутного времени, что это не могло не найти отражения в их творчестве.

Нам представляется важным проанализировать языковую личность Л.Н. Андреева именно с позиции лексем, обладающих эмотивной семантикой. Нами было исследовано 62 художественных произведения.

При помощи сайта Национального Корпуса Русского Языка, а также методом сплошной выборки выделены лексемы, репрезентирующие эмоции героев и проведен семантический анализ. Затем нами выделены наиболее интересные с точки зрения семантического сдвига лексемы (это «страх» и «смех»).

Путём сравнения эмотивной семантики вышеназванных лексем с её реализацией в дневниковых записях Андреева 1914-1919 годов, а также в его письмах к родным нам необходимо установить, целесообразно ли назвать данные лексические единицы идиоглоссами, поскольку они являются ключевыми для понимания специфических особенностей авторской картины мира, и насколько сильно репрезентация эмоций в художественном дискурсе отличается от репрезентации эмоций в литературе нон-фикшн на примере конкретного автора.

Д.А. Романов в диссертации «Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследования (на материале русского языка)» (2004) отмечает, что следует разделять непосредственно эмоцию и внешнюю репрезентацию этой эмоции. Эмоцию Романов называет «первичной денотативной эмоциональностью», а репрезентацию, соответственно, «вторичной денотативной эмоциональностью». Исследователи пользуются различной терминологией для обозначения проявлений эмоций в тексте. Так, Е.В. Осетрова называет это «манифестацией факта» [Осетрова, 2012: с. 12], а В.И. Шаховский – физиологической экстериоризацией [Шаховский, 1987: с. 67].

Формы эмоциональных реализаций именуются соответственно вербальной и невербальной. Невербальная форма включает паралингвистику – кинетические (жестовые) и мимические средства, а также примыкающие к ним физиологические средства: изменение цвета лица, смех, плач, вздох и т.п. Невербальные эмоциональные средства непосредственно реализуются преимущественно в визуальном канале. Вербальная форма включает как минимум две подформы: языковые единицы и ритмико-интонационное (эмфатическое) единство, которые могут транслировать эмоциональное содержание по обоим каналам информационной связи, однако визуальный канал задействован здесь не в том виде, как у паралингвистических форм эмоциональности.

Все формы эмоциональных репрезентаций могут реализовываться следующими способами: непосредственно и опосредованно, в тексте (графическом и устном) и поведенчески.

Непосредственная эмоциональность проявляется во время самой эмоциональной ситуации: субъектом она переживается и выражается одновременно, при этом все используемые средства служат передаче эмоционального содержания сами по себе (без дополнительных операций с ними) и в той форме, которая присуща им органически. Например, жест, как одно из средств паралингвистической эмоциональности, фиксируется визуально; мелодика (компонент эмфазы) реализуется аудиально; лексема – ивизуально, и аудиально; физиологические средства – визуально, а некоторые из них аудио-визуально: смех, плач и т.п.

Опосредованная эмоциональность – это эмоциональность описанная, специально представленная для слушателей или читателей. При таком способе репрезентации эмоций эмоциональные средства проявляются не в своей естественной, органичной форме, а через посредство иных форм, т.е. не сами по себе, а с помощью иных средств – чаще всего словесных описаний. Например, жест может быть описан и представлен в устной речи (аудиально). Даже если канал связи при этом сохраняется (описанный жест может восприниматься, как и естественный, визуально, но графически), опосредование все равно имеет место. Описание представляет уже не только эмоцию, но и некую картину поведения человека в эмоциональной ситуации. Опосредованный способ репрезентации эмоций всегда иллюстрирует саму ситуацию [Романов, 2004: с. 21].

Непосредственная эмоциональность проявляется поведенчески и не носит отстраненного характера. Опосредованная эмоциональность, наоборот, атрибут текста (устного или письменного), представляющего эмоцию как бы со стороны. Представление эмоции может осуществляться через рассказ произошедшем только что, воспоминание, вымысел (моделирование эмоции) и т.д. Опосредоваться способна любая эмоциональность: своя (в

тексте режима «Я») или чужая (в текстах режимов «ТЫ» и «ОН»)[Романов, 2004].

Таким образом, эмоции в текстах Л.Н. Андреева выражены опосредованно и письменно, что позволяет нам при помощи статистического метода составить полную картину частотности использования автором языковых средств, служащих для эксплицитного выражения эмоций.

Особый интерес для современной лингвистики представляет вопрос о том, какие части речи максимально репрезентативны для выражения в языке эмоциональной сферы языковой личности.

Для данного исследования были использованы в основном существительные-эмотивы и глаголы-эмотивы, реже – наречия и прилагательные. На наш взгляд, это обусловлено тем, что художественный текст, выступая аспектом художественной картины мира, в знаковой форме связан с языковой картиной мира. И именно существительные и глаголы-эмотивы определяют специфику эмотивно-оценочного фрагмента художественного текста, формируют ценностную картину мира данного автора.

В проанализированных нами художественных текстах Л.Н. Андреева наиболее частотны лексемы, относящиеся к семантическому полю «страх». Они представлены такими лексемами как «страх», «ужас», «тревога», «испуг», «жуть», «боязнь» (и их производными). Всего 1100 лексем на 62 художественных текста.

Остальные лексико-семантические группы представлены меньшим количеством лексем:

- группа «приятные эмоции» (восторг, наслаждение, радость, счастье, удовольствие, ликование, довольство, восхищение, блаженство, веселость, веселье, умиление, удовлетворение) – 187 вхождений;
- группа «злость» (злоба, ярость, гнев, злость) – 68 вхождений;

- группа «спокойные отрицательные эмоции» (тоска, скука, печаль, уныние, томление, скорбь, хандра, грусть, меланхолия) – 172 вхождения;
- группа «сильные отрицательные эмоции» (отчаяние, мука, мучение, страдание, горе, горюшко, горечь) – 122 вхождения;
- группа «жалость» (жалость, сострадание, сочувствие, прискорбие, раскаяние, стыд, сожаление) – 196 вхождений;
- группа эмоций вне классификации (волнение, удивление, обида, равнодушие, изумление, зависть, спокойствие, робость, трепет, смущение, ревность, разочарование) – 75 вхождений.

2.2. Семантика эмоции страха

В ряду эмоциональных состояний страх занимает важное место. Страх – одна из наиболее значимых для человека эмоций, движущая сила человеческого поведения, побуждающая его совершать те или иные действия или же, напротив, избегать их. Страх относится к первичным эмоциональным реакциям, аффектам, доступным как высокоразвитым приматам, так и человеку. Данная эмоция постоянно знакома человеку с древних времен и будет сопровождать его постоянно. Как указывает Н. А. Красавский, «страх – это стабильный эмоционально-мыслительный конструкт, некий эмоциональный образ, генетически «прописанный» в нашей памяти. Его переживание человеком психологически и витально необходимо; он есть форма защиты и способ сохранения человеческой популяции» [Красавский, 2001: с. 339].

Однако следует отличать «страх-боязнь», имеющий под собой реальное основание, от экзистенциального, метафизического ужаса человека перед бытием в целом. Впервые об этом семантическом различии заговорил С. Кьеркегор. Благодаря ему были строго разграничены Angst (метафизический страх-тоска) и Furcht (эмпирический страх-боязнь).

Кьеркегор называет метафизический страх «пропастью совести», «бесконечно ужасным страхом возможности греха», перед которым бледнеет любой эмпирический страх (Furcht) какой-то конкретной угрозы. Метафизический страх – это неопределенный страх перед Ничто, с которым у индивида нет ничего общего.

По словам А. Вежбицкой, «страх» в немецкой философии только очень приблизительно соответствует словам со значением «страх» в других языках, «поскольку в концепте „Angst“ содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности» [Вежбицкая, 1999: с. 601]. Словосочетание «german angst» стало устойчивым выражением во многих языках мира.

Angst (метафизический страх) – центральный концепт немецкой лингвокультуры, содержание которого сформулировано носителями языка и отражает специфику немецкой картины мира. Страх (Angst) лежит в основе прочих ключевых слов немецкой культуры. Как отмечает М. Шрайбер, «хотя немцы и думают, что их страхи соответствуют боязни всего окружающего мира, кажется, что весь остальной мир полагает, что немецкий страх (Angst) – это особенно сильное чувство, которое отдает глубиной (Tiefe), смертью (Tod) и бездной (Abgrund). Вот почему англосаксы заимствуют этот термин, даже не переводя его на английский язык».

Страх в экзистенциальном смысле – это не физический страх, а метафизический ужас – потрясающее человека прозрение. Здесь важно не психологическое содержание феномена страха, а его онтологический смысл, который заключается в том, что человеку открывается зияющая бездна бытия, которой он раньше не ведал, спокойно прозябая в повседневности.

Ещё более явно семантическая грань между двумя видами страха прослеживается в немецкой философии. Так, М. Хайдеггер развивает кьеркегоровскую идею метафизического страха.

Мы будем анализировать семантику эмоции страха в языковой картине мира Л. Н. Андреева, опираясь именно на определение метафизического

«страха-ужаса», данное Хайдеггером в статье «Что такое метафизика?»: «Под этим «ужасом» мы понимаем не ту очень частую склонность ужасаться, которая, по сути дела, сродни излишней боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Боязнь перед чем-то касается всегда тоже чего-то определенного. <...> Хотя ужас есть всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. При ужасе для такой сумятицы уже нет места. Чаще всего, как раз наоборот, ужасу присущ какой-то оцепенелый покой» [Хайдеггер, 2013: с. 28].

Серж Роле из университета Безансон полагает, что главной целью, которую преследует Леонид Андреев, является создание поэтики страха [Роле, 2005: с. 170]. Он считает, у Леонида Андреева есть отрывки или даже целые произведения, где беспричинный, неопределенный страх возникает как будто сам по себе, независимо от какой бы то ни было провокации. «Нет объективных факторов, которые вызывают страх, но немотивированный страх все-таки таится где-то в глубине текста».

Наиболее яркой иллюстрацией семантических особенностей лексем, выражающих страх в произведениях Л. Н. Андреева, являются эпитеты, с помощью которых эмоции страха характеризуются и уточняются. Приведём в таблице наиболее яркие и частотные эпитеты, сопровождающие лексемы «ужас» и «страх».

Таблица 1. Эпитеты к лексемам «ужас» и «страх»

Ужас	Страх
Темный, животный, панический, пленительный, безграничный, молчаливый, неопиcуемый, бессловесный, бесчеловечный, смертный, смертельный, кровавый, безумный, бесконечный, безмолвный, огненный/холодный, нестерпимый.	Сумасшедший, безумный, неожиданный, беспричинный, отчаянный, безотчётный, низкий, жестокий, панический, смутный, тупой, животный, мистический, непонятный.

Особое внимание следует обратить на эпитеты «молчаливый», «бессловесный», «безмолвный». По Хайдеггеру, это один из прямых признаков именно экзистенциального ужаса: «Ужас перебивает в нас способность речи. Раз сущее в целом ускользает и надвигается прямо-таки Ничто, перед его лицом умолкает всякое говорение с его “есть”. То, что, охваченные жутью, мы часто силимся нарушить пустую тишину ужаса именно все равно какими словами, только указывает на присутствие Ничто. Что ужасом приоткрывается Ничто, человек сам подтверждает сразу же, как только ужас отступит. В ясновидении, держащемся на свежем воспоминании, нам приходится признать: там, перед чем и по поводу чего нас охватил ужас, не было, «собственно», ничего. Так оно и есть: само Ничто — как таковое — явилось нам» [Хайдеггер, 2013: с. 28].

Сравните со следующими примерами из прозы Андреева:

- И с того дня для Елены Дмитриевны стало две Таисии: одна, которая при посторонних, почтительно сдержанная, воспитанная в институте, образцовая дочь; другая, которая вдвоем — молчаливый ужас, проклятие, призрак чего-то мертвого. [Андреев, 2013: с. 232]
- Конечно, в значительной степени меня подвинула жена, Александра Евгеньевна, своим почти что бессловесным ужасом, и так я теперь знакомым объясняю тогдашнее наше бегство "в Египет", но для совести моей этого объяснения недостаточно. (Иго войны)
- Но, ответив, он тотчас забывал как и вопрос, так и ответ свой, и снова молчаливо и страшно боролся. [Андреев, 2013: с. 265]
- Было страшно произнести слово, как будто каждое слово в языке потеряло свое значение и значило только одно: смерть. [Андреев, 2013: с. 287]
- Начали оглядываться, избегая смотреть в ту сторону, где молчаливо и страшно понятно продолжали двигаться фонарики. [Андреев, 2013: с. 289]

Выявляется серия слов, большей частью прилагательных и наречий:

«страшно», «мертво», «странно», «чуждо», «пусто», «неподвижно», «равнодушно», «безмолвно» и некоторые другие. Получается своего рода парадигма, реализующаяся иногда полностью (или почти полностью), но чаще всего частично. Частотность этих признаков изменяется соответственно тематике рассказа, но только в относительной мере. В «Молчании» встречаются слова «молчаливо», «безмолвно», «тишина», но употребляются и другие слова, не принадлежащие к лексическому полю «молчания». Из одного рассказа в другой набор признаков страха остается довольно устойчивым. В силу высокой повторяемости и взаимной сочетаемости все элементы этой парадигмы довольно тесно связаны между собой. Получается так, что отсутствующие элементы парадигмы (а в некоторых случаях отсутствует даже большинство из них) компенсируются теми, которые имеются в тексте. Достаточно наличия одного признака, чтобы разворачивалась полная парадигма. В пределах известного объема текста эти слова являются синонимичными; обыкновенные их лексические особенности нивелируются. Подобно подпорожным знакам (типа двадцать пятого кадра), они оказывают на читателя значительное, но едва замеченное им самим воздействие. В конечном счете страх давит на него постоянно. Страх распространяется во всем тексте, из субъективного явления он превращается в атрибут самой природы (пейзажа, неба), в *modus essendi* всего того, что есть. Здесь наблюдается «порабощение текста одной точкой зрения», которое, согласно Ю. М. Лотману, «мыслится как господство "выражения" над "содержанием", "поэзией"» [Роле, 2005: с. 169].

Если, согласно статистическим данным, полученным с помощью Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>), в рассказах Л.Н. Андреева мы наблюдаем 1100 вхождений с лексемами «ужас» и «страх» и их производными, то в дневниковых записях Андреева лексемы с семантическим значением «ужас» встречаются 19 раз, «страх» – 33 раза. Причём показательно, что в большинстве случаев эти слова употреблены во

вполне обыденном контексте и без эпитетов:

- «...либо ужасающая бездарность, плоскость, нудная галиматья с резко реалистичными деталями» [Андреев, 1994: с. 100]

- «Кроме воистину ужасного климата и земли причина и некультурность».

[Андреев, 1994: с. 93]

- «Была ужасна нынешняя зима» [Андреев, 1994: с. 73]

«Ужас» именно в семантическом значении, близком к немецкому «Angst», встречается в прямом цитировании рассказа о безумии войны «Красный смех» («Безумие и ужас...»), а также в автоцитате из самых ранних дневников Л.Н. Андреева, в которой юный писатель практически провозгласил свой манифест:

- «Я хотел бы, чтобы человек бледнел от ужаса, читая мою книгу, чтобы она действовала на него как дурман, как страшный сон, чтобы она сводила людей с ума, чтобы они ненавидели, проклинали меня, но все-таки читали... и убивали себя...» [Андреев, 1994: с. 63]

Лексема «страх» с семантическим оттенком «Angst» встречается в тексте дневников только дважды, и оба случая связаны с экзистенциальным страхом писателя перед смертью:

- «ежечасное ожидание смерти и страх ее, томительный и непрерывный, стоящий вне воли и сознания» [Андреев, 1994: с. 50]

- «Вчера вечером нахлынула на меня тоска, та самая жестокая, страшная тоска, с которой я борюсь, как с самой смертью» [Андреев, 1994: с. 91]

2.3. Семантика слова «смех»

Однако эмоции страха и ужаса могут выражаться в художественном тексте не только напрямую, с помощью соответствующих лексем или через мотив тишины и молчания, но и быть представлены невербально, такими

манифестантами, как слёзы, изменение цвета лица, дрожь, испарина. Это всё достаточно стандартные манифестации эмоции страха. Тем не менее, в текстах Андреева нами обнаружен нетипичный семантический сдвиг.

В соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики мы рассматриваем, как представлен смех в картине мира Л.Н. Андреева через анализ семантики лексем, обозначающих это понятие, поскольку они репрезентируют основные идеи языковой картины мира и являются ключевыми для понимания специфических особенностей авторской картины мира.

Мы можем называть слово смех в языковой картине мира Л.Н. Андреева «идиоглоссой». Данный термин был введен Ю.Н. Карауловым в статье «Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского)». Он является «производным от понятий «идиолект» (индивидуальный язык автора), и «идиостиль» (индивидуальный авторский стиль) и несет комплексный смысл, слагающийся из того, что эти единицы, во-первых, суть отражение главных мирообразующих и миротформирующих идей автора и, во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики его языка и стиля. В семиотическом аспекте идиоглосса – это слово-знак, но не обычный, а знак сублимированный, знак второго порядка, поскольку его содержанием является не только семантическая составляющая, как у обычного слова, но также миротформирующая функция строительного элемента в картине мира автора» [Караулов, 2003: с. 111].

Л.В. Карасев, говоря о смехе, пишет: «О смехе нужно писать интересно, либо не писать вовсе» [Карасев, 1996, с. 5]. Автор позже поясняет читателю, что под «интересным» имеет в виду обнаружение новых неожиданных связей, соединение крайностей и «разъятие» целостностей, поиск общего в различном и различного в общем.

В первобытности смех мог быть ритуальным, например, осмеяние смерти. Мифы представляют богов не плачущими, а смеющимися, так как

смех «относится к целокупным и неизменно движущимся полотнам ... всеобъемлющей энергии» [Аверинцев, 1997: с. 71]. Францисканство продолжило путь доброжелательного отношения к смеху, опираясь на смех умеренный, который «не расплескивал души, а открывал ей путь к небу». В христианстве, смех – признак человеческого («человек есть животное мыслящее, смертное и способное смеяться»). М. Горький писал: «...смеется – значит, не скот», – что лишний раз подтверждает уже сказанное.

Слово «смех» определяется в словарях приблизительно однозначно. Сравните:

- «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа» («Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля),
- «короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства» («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова),
- «культурно-психологический феномен, в котором выражается способность человека к обнаружению комических ситуаций, содержащихся в жизни и искусстве» («Философская энциклопедия»),
- «прерывистые звуки, вызываемые короткими и сильными выдыхательными движениями как проявление радости, веселья, удовольствия и т.п.» («Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой)

В целом, оценку общепринятой семантики слова «смех» можно охарактеризовать как положительную, позитивно окрашенную. Смех – реакция человека на что-то весёлое, радостное, забавное. Смеются счастливые люди, которые находятся в расслабленном состоянии. В некоторых словарях указываются отрицательные элементы в значении слова «смех»: например «выражающие <...> насмешку, злорадство и другие чувства» («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова), «Злобный,

горький смех. Торжествующий смех. Истерический смех. Саркастический смех» («Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова), «саркастический, мефистофелевский. Гордая усмешка. Злорадное ржание недоброжелателей» («Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова). Однако эти периферийные значения также являются привычными для носителей языка.

Перечисленные выше значения являются семантическим ядром слова «смех». Но в индивидуально-авторской языковой картине мира могут реализовываться не только периферийные, но и противоположные значения.

Предметом нашего исследования является семантический сдвиг в семантике слова «смех», который прослеживается в рассказе Л.Н. Андреева «Красный смех» (в сравнении со стандартной семантикой этого слова в его дневниках 1914–1919 гг.).

Рассказ был написан в 1904 году, опубликован – в 1905. Он представляет собой смесь из отрывков рукописи главного героя, вернувшегося с войны, на которой он потерял обе ноги, и выдержек из дневников его брата. Написанный в экспрессионистской манере рассказ описывает ужас и безумие войны, всю её страшную бессмысленность. И, хотя, по словам самого Л.Н. Андреева, произведение стало реакцией на трагические события Русско-японской войны, оно – о войне вообще, не имеющей времени, места и национальности.

Символическим воплощением этого кровавого безумия Л.Н. Андреев делает словосочетание «красный смех» и выносит его в заглавие рассказа. Оно встречается в тексте 19 раз, тогда как слово «смех» без этого прилагательного – только 11 раз. Это говорит о том, что данное семантически связанное сочетание играет в произведении главенствующую роль и является одним из наиболее частотных.

Существительное «смех» в привычном, положительном значении упоминается всего дважды, и оба раза – это сцены, описывающие семейную, а не военную обстановку: «...но радость снова вернулась ко мне, когда мне

стали готовить постель – настоящую постель, на красивой кровати, на кровати, которую я купил перед свадьбой, четыре года тому назад. Постлали чистую простыню, потом взбили подушки, завернули одеяло – а я смотрел на эту торжественную церемонию, и в глазах у меня стояли слезы от смеха» [Андреев, 2013: с. 152]; «И сплю я в столовой, куда перебрался совсем: тут спокойнее, и воздух как будто хранит еще следы разговоров, и смеха, и веселого звона посуды» [Андреев, 2013: с. 171].

К этим случаям примыкают однокоренные глагольные формы, встречающиеся в описаниях семейных сцен и также обладающие традиционным значением:

- «На правой ноге я качал сына, и он смеялся, а теперь...» [Андреев, 2013: с. 146].
- «Я засмеялся. – Чего ты? – спросил брат. – Так» [Андреев, 2013: с. 149].
- «Брат громко засмеялся и сказал: – Мы не молчим» [Андреев, 2013: с. 150].
- «Все громче смеясь, сестра поспешно вышла, а брат сказал уверенно и спокойно: – Да. Ты мало изменился. Полысел немного» [Андреев, 2013: с. 151].

В остальных ситуациях, когда автор описывает всё, что касается происходящего на войне, смех – это некий символический образ, вбирающий в себя смерть и страх смерти, кровь и жестокость. В некоторых отрывках словосочетание повторяется несколько раз в течение одного абзаца, что создаёт эффект семантической насыщенности и усиливает влияние на читателя.

Приведем несколько примеров подобного семантического сдвига в значении слова «смех»:

- «И в этом коротком, красном, текущем продолжалась еще какая-то улыбка, беззубый смех – красный смех. Я узнал его, этот красный смех. Я искал и нашел его, этот красный смех. Теперь я понял,

что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле, этот красный смех!» [Андреев, 2013: с. 125].

- «Это красный смех. Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться. Ты ведь знаешь, земля сошла с ума. На ней нет ни цветов, ни песен, она стала круглая, гладкая и красная, как голова, с которой содрали кожу. Ты видишь её?» [Андреев, 2013: с. 173].

- «Красный смех!– закричал я, перебивая.– Спасите! Опять я слышу красный смех!» [Андреев, 2013: с. 148].

- «Друзья! У нас будет красная луна и красное солнце, и у зверей будет красная веселая шерсть, и мы сдерем кожу с тех, кто слишком бел, кто слишком бел... Вы не пробовали пить кровь? Она немного липкая, она немного теплая, но она красная, и у нее такой веселый красный смех!...» [Андреев, 2013: с. 148–149].

- «Какой-то кровавый туман обволакивает землю, застилая взоры, и я начинаю думать, что действительно приближается момент мировой катастрофы. Красный смех, который видел брат» [Андреев, 2013: с. 166].

В финале рассказа этот образ персонифицируется в некое апокалиптическое божество кровавого ужаса, и это обозначается именем собственным: «Туда нельзя! – крикнул брат. – Туда нельзя. Взгляни, что там! ... За окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех» [Андреев, 2013: с. 190].

Вне связанного словосочетания отрицательные коннотации лексемы «смех» никуда не исчезают: смех «бессмысленный», «неудержимый», «жуткий», «тяжёлый», «огненный».

Следовательно, изменение значения слова на прямо противоположное – отражение художественного замысла Л.Н. Андреева, и подобный семантический сдвиг указывает на особенности его индивидуально-авторской художественной картины мира.

Несмотря на кажущуюся антонимичность словарного значения слова «смех» и той семантики, которую вложил в него писатель в рассказе, представляется возможным проследить сходство семантики слова у Андреева с определением одной из разновидностей смеха – это так называемый «сардонический смех».

В современном понимании это «язвительный, презрительный смех». Но этимологический анализ указывает на то, что в античности сардонический смех – «смех жертвы, утраты, отречения. Этот смех у греков стал поговоркой в отношении людей, смеющихся в момент своей гибели».

Этимология выражения «сардонический смех» приводится у Павсания в описании природы Сардинии: согласно Павсанию, у источников на этом острове произрастает растение, схожее с сельдереем, съевшие его умирают, смеясь [Павсаний, 2002: с. 919]. По другой легенде, у древних жителей Сардинии был обычай приносить в жертву стариков. Эта церемония происходила при всеобщем смехе, причём смеялись и приносимые в жертву.

В рамках этнографии такой смех трактуется как разновидность ритуального смеха: в ходе ритуала, сопровождающего переход из жизни в смерть, смех превращает смерть в новое рождение, уничтожая убийство.

Российские учёные, занимавшиеся изучением смеха и смеховой культуры, в основном рассматривают это понятие как жизнеутверждающее, рождающее жизнь. Сравните:

М.М. Бахтин в монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Возрождения»:

- «Отношение к смеху Ренессанса можно предварительно и грубо охарактеризовать так: смех имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир, видящая мир по-иному, но не менее (если не более) существенно, чем серьезность; поэтому смех так же допустим в большой литературе (притом ставящей

универсальные проблемы), как и серьезность; какие-то очень существенные стороны мира доступны только смеху» [Бахтин, 1990: с. 56].

- «Подчеркнем еще раз, что для ренессансной теории смеха (как и для охарактеризованных нами античных источников ее) характерно именно признание за смехом положительного, возрождающего, творческого значения» [Там же].

В.Я. Пропп в монографии «Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре»:

- «Смех-жизнедатель. Если с вступлением в царство смерти прекращается и запрещается всякий смех, то, наоборот, вступление в жизнь сопровождается смехом» [Пропп, 1999: с. 163].

- «Ранняя форма магии смеха основана на представлении, что мертвые не смеются, смеются только живые. <...> всякое вступление в жизнь, будь ли то рождение ребенка или символическое новое рождение в обрядах инициации и сходных ему обрядах, сопровождается смехом, которому приписывается сила не только сопровождения, но и создания жизни» [Там же].

Мы видим, что нигде не встречается семантика слова «смех», подобная той, что дал Л.Н. Андреев в своих рассказах.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Лексемы, репрезентирующие эмоции героев Андреева, обладают преимущественно отрицательными и мрачными коннотациями. Это обусловлено частично особенностями языковой личности писателя, частично его непростой биографией. Самыми частотными лексемами, выражающими эмоции в рассказах Леонида Андреева, являются лексемы, принадлежащие к группе «страх». Нами было проанализировано 62 текста и зафиксировано 1100 вхождений лексем с данной семантикой.

Сравнивая художественные произведения Л.Н. Андреева с его дневниковыми записями, мы можем заметить, как в разных типах дискурса писателя наблюдаются семантические различия в выражении эмоций страха. Если в малой прозе писателя присутствует семантический сдвиг: лексемы, выражающие страх, имеют ярко выраженное значение именно экзистенциального ужаса перед бытием, близкого к немецкому понятию «Angst», то в дневниках эти эмоции за редкими исключениями употребляются в своём нормальном, стандартном значении.

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать в случае с лексемой «смех» и её производными. В текстах Андреева (к примеру, в рассказе «Красный смех») смех является манифестацией эмоций ужаса и отчаяния. Существуют различные толкования значения этого слова, и в рассказе Андреева происходит значительный семантический сдвиг. Негативные коннотации в значении данного слова отражают авторскую языковую картину мира. Для Л.Н. Андреева «красный смех» – это персонификация войны, ужаса, безумия и смерти. Комплексный анализ включает рассмотрение дериватов и аналогов слова, синтаксических конструкций. Таким образом, анализ демонстрирует, что семантика слова «смех» в художественном дискурсе Л.Н. Андреева отличается от семантики этого же слова в его дневниках. Это позволяет сделать вывод о том, что языковая личность Андреева-художника отличается от языковой личности Андреева-обывателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный анализ семантики эмоций в рассказах и дневниках Л.Н. Андреева позволяет нам сделать следующие выводы:

Творчество русскоязычного писателя Л.Н. Андреева, без сомнения, получило широкий резонанс в литературном процессе рубежа веков, и по сей день продолжает волновать умы исследователей не только в России, но и по всему миру. Андреев предстаёт как весьма неоднозначный автор. Его проза, как и его дневниковые записи и письма представляют интерес в равной степени как для лингвистов, так и для литературоведов.

Исследование его творческого наследия в аспекте лингвоперсонологии является на сегодняшний день перспективным направлением, поскольку интерес языковедов к его творчеству сравнительно невелик. Андреев является настоящим мастером слова, его язык богат, насыщен тропами и фигурами, описания нетривиальны, а характеристики подобраны метко. Однако нами было замечено, что языковая репрезентация эмоций в его художественных текстах заметно отличается от языковой репрезентации эмоций в его дневниках.

Для того чтобы в соответствии с целью магистерской диссертации проанализировать семантическую структуру языковой личности Л.Н. Андреева и выявить значимые компоненты его ценностной картины мира, описывающих эмоциональные состояния, мы проанализировали 62 рассказа Л.Н. Андреева и сравнили семантику эмотивной лексики, представленную в них, с семантикой аналогичной лексики в дневниках 1914-1919 годов.

Наиболее адекватными для исследования семантики эмоций нам представляются такие методы, как метод семантического анализа, статистический метод, метод выборочной расписки избранных для анализа текстов, метод контекстуального анализа, элементы лингвокультурологического анализа, в частности – выделение компонентов

ценностной картины мира писателя, описательно-аналитический метод.

При анализе эмотивной семантики у Л.Н. Андреева мы можем сделать вывод о том, что семантически значимые элементы авторской языковой картины мира представлены по большей части лексемами с негативными коннотациями (страх, ужас, отчаяние, тревога, страдание). Причём лексемы, выражающие эмоции страха/ужаса и их производные, представлены по сравнению с другой эмотивной лексикой в значительно большем количестве (почти 1000 вхождений).

Кроме того, в значениях слов, обозначающих эмоции в художественных текстах Л.Н. Андреева наблюдаются значительные семантические сдвиги. Так, семантика слова «смех» в языковой картине мира Л.Н. Андреева далека от словарного определения, наделена сильными отрицательными коннотациями («безумие», «ужас», «война», «смерть», «кровь») и по значению скорее коррелирует с античным понятием «сардонического смеха», а семантика лексем, выражающих «страх», имеет ярко выраженное значение экзистенциального ужаса перед бытием, близкого к немецкому понятию «Angst».

В дневниковых записях и письмах эмотивная лексика, напротив, преимущественно обладает стандартной семантикой, существенных семантических сдвигов нами обнаружено не было. Следовательно, это позволяет нам сделать вывод о том, что языковая личность Андреева-писателя существенно отличается от языковой личности Андреева-обывателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. МАС: Словарь русского языка в 4-х томах. М., 1982.
2. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: «Coda», 1997. 344 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 416 с.
4. Алпатов В.М. Японистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 624 – 625.
5. Андреев Л. Иуда Искарот: Рассказы; Пьеса. Сост. Т.Шеханова; Коммент. А.Богданова, А.Руднева, М.Козьменко, В.Чувакова. М.: Худож. лит., 1999. 622 с.
6. Андреев Л. Дневник Сатаны. СПб.: Издательство "Азбука", 2000. 263 с.
7. Андреев Л.Н. Красный смех // Иуда Искарот: Рассказы. СПб.: Издательская группа «Лениздат», 2013. 416 с.
8. Андреев Л. Н. «Дневник» Леонида Андреева / Л. Н. Андреев // Лит. архив. Материалы по истории русской и общественной мысли. 177. СПб: Наука, 1994. С. 247-294.
9. Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914 - 1919); Письма (1917 - 1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918- 1919) / Вступ. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хеллмана / Л. Н. Андреев. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. 598 с.
10. Андреев Л. Н. Дневник 1891 - 1892 гг. / Л.Н. Андреев // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб.: Наука, Институт рус. лит., 1994. С. 84 - 141.
11. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2007. 805 с.
12. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. 639 с.
13. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. 559 с.
14. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1994. 655 с.
15. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1994. 639 с.
16. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1995. 511 с.
17. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1996. 720 с.
18. Андреев Л.Н. Дневник 1897 - 1901 гг. / сост., вст. ст. и коммент. М: В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 296 с.
19. Антонова Н. А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2007. 25 с.
20. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
21. Апресян Ю. Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки слав. к-ры, 2003. С. VIII–XI.
22. Арутюнова Н. Д. Чужая речь: «свое» и «чужое» // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 668–686.
23. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской

- культуры», 1998. 896 с.
24. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 543-640.
 25. Арутюнова Н.Д. Образ (опыт концептуального анализа).// Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 117-129.
 26. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: к проблеме языковой «картины мира» / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.
 27. Архипов И.К. Язык и языковая личность: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям педагогического образования / И. К. Архипов; Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Книжный Дом, 2008. 244 с.
 28. Барсукова Е.В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): Дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2007. 229 с.
 29. БАС: Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. М., Л., 1948-1965.
 30. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 545 с.
 31. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 441 с.
 32. Беззубов В.И. Л. Андреев и традиции русского реализма. М.: Литература, 1984. 210 с.
 33. Белл Р.Т. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М.: Международ. Отношения, 1980. 318 с.
 34. Бенвенист Э. Общая лингвистика М.: Прогресс, 1974. 448 с.
 35. Бирюкова Е.О. Языковая личность в контексте языковой игры (на материале российских ток-шоу): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2012.
 36. Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дисс. ... д. филол. наук. М., 1982.
 37. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Л., 1984
 38. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.
 39. Богин Г.И. Модель языковой личности: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1984.
 40. Бойко Н.В. Категория «образа автора» в современной литературной критике. Лингвистический аспект. Харьков, 1982. 16 с.
 41. Болотнова Н.С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте.
Коммуникативная стилистика художественного текста // Вестник ТГПУ. 2005. Вып. 3 (47).
 42. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения: 7.05.2016).
 43. В поисках языковой личности (вместо введения) // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. статей / Институт русского языка РАН. М.,

1995. С. 5 – 6.
44. Вайсгербер Йохан Лео. Родной язык и формирование духа (История лингвофилософской мысли). Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
45. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
46. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 326–375.
47. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
48. Виноградов В.В. Личность // Виноградов В.В. Истории слов. М.: Толк, 1994. С. 271 – 305.
49. Вологина О. В. Разорванный мир Леонида Андреева и Франца Кафки / О. В. Вологина // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд. (Материалы международной науч. конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя, 28 — 30 сентября 2006 г.). Орел: Картуш, 2006. С. 137 - 143.
50. Волостных И.А. Языковая номинация эмоциональных концептов «страх — реи́г» и «печаль — tristesse» Текст. / И.А. Волостных // Язык и общество: современные исследования социальной коммуникации и лингвистических тенденций: сб. науч. тр. Тула, 2004.
51. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке / Е.М. Вольф // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 55-77.
52. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 – 72.
53. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1986. 170с.
54. Гадышева О.В. Языковые средства выражения позиции автора в философских драмах Леонида Андреева. // Лингвистические явления в системе языка и в тексте. Волгоград, 1997, вып.1. С. 28-32.
55. Голев Н.Д. Введение. Лингвоперсонологические основания личностно-ориентированного обучения // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / под ред. Н.В. Мельник. Кемерово, 2009. С. 8 – 16.
56. Голев Н.Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования в техническом вузе (опыт построения концепции) // Прикладная филология в сфере инженерного образования: Коллективная монография. Т. 1. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. Нортхэмптон. Томск, 2004. С. 22 – 46.
57. Голев Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2004. № 4. С. 41 – 45.
58. Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-

- ориентированное обучение / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. С. 7 – 27.
- 59.Голев Н.Д. Типология языковой личности и лингводидактика // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / под ред. Н.В. Мельник. Кемерово, 2009. С. 17 – 28.
 - 60.Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии: Межвуз. сб. научн. трудов. Ч. 1. Барнаул, 2007. С. 7 – 11.
 - 61.Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1993. С. 9 – 18.
 - 62.Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. С. 413 – 415.
 - 63.Гумбольдт В. Язык и философия культуры. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
 - 64.Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века.// Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 239-320.
 - 65.Дерягина С.В. Языковая личность автора: подходы изучения.// Семантика слова, образа, текста. Архангельск, 1998. С. 78-81.
 - 66.Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.
 - 67.Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
 - 68.Зырянова Е.Г. К проблеме типологии языковой личности: (На примере частной записки) // Концепт и культура. Кемерово, 2008. С. 572 – 576.
 - 69.Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2008. № 3. С. 27–43.
 - 70.Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2006. Т. 291. С. 5 – 11.
 - 71.Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
 - 72.Иванцова Е.В. Проблемы изучения языковой личности: Учебное пособие к спецкурсу. Томск: Издание Томского ун-та, 2005. 74 с.
 - 73.Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Филология. Томск, 2008. № 3 (4). С. 27 – 43.
 - 74.Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 2002. 312 с.
 - 75.Иванцова Е.В. Языковая личность сибирского старожила: лексикографическое представление // Русский язык и литература в Сибири. Красноярск, 2004. С. 6 – 23.
 - 76.Иезуитова Л.А. Л. Андреев и В. Гаршин.// Вестник ЛГУ, Л., 1964. № 8, вып. 2. С. 97-109.

- 77.Иезуитова Л.А. Работа Л.Андреева над рассказом в к. 1890-х -н .1900-х гг.// Вопросы литературы. 1997. вып.3.
- 78.Иезуитова, Л. А. Творчество Леонида Андреева (1892-1906) / Л. А. Иезуитова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. 240 с.
- 79.Карасев Л.В. Философия смеха. РГГУ, 1996. 214 с.
- 80.Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- 81.Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003.
82. КарасикВ.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып. 3. С. 96 – 106.
- 83.Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Волгоград, 2007. Вып. 5. С. 78 – 86.
- 84.Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. Краснодар, 1994. С. 2-7.
85. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
86. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
87. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
88. Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 671–672.
- 89.Караулов Ю. Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. М., 2003. № 4. С. 110–118.
- 90.Караулов Ю. Н. От словаря языка писателя к познанию его мира // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 636–649.
91. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
92. Караулов Ю.Н. «Четыре кита» современной лингвистики, или о предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке (от содержания науки к ее истории) // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке. М.: АН СССР, 1986. С. 17 – 29.
- 93.Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т русского языка РАН, 1999. 180 с.
- 94.Караулов Ю.Н. Горячие точки развития русистики: русский язык, русский мир и российский менталитет (К обоснованию исследовательской программы Научного центра русского языка в Московском государственном лингвистическом университете) // Русское слово в русском мире. М.; Калуга, 2004. С. 5 – 29.
- 95.Караулов Ю.Н. Концептография языковой картины мира // Проблемы прикладной лингвистики. М., 2004б. Вып. 2. С. 9 – 19.
- 96.Караулов Ю.Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. М., 2003. № 4. С. 110–118.

97. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность: сб. ст. М., 1989.
98. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 262 с.
99. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
100. Караулов Ю.Н. Структура языковой личности и место литературы в языковом сознании // Русская литература в формировании современной языковой личности. Т. 1. СПб., 2007. С. 286 – 293.
101. Караулов Ю.Н. Эволюция, система и общерусский языковой тип // Русистика сегодня: Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 6-31.
102. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»; Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 671 – 672.
103. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3 – 10.
104. Книга о Л. Андрееве. Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока и др. Издательство З.И. Гржебина. Петербург - Берлин, 1922. 109 с.
105. Кожевникова Н.А. О некоторых особенностях словоупотребления в прозе Л. Андреева. // Творчество Леонида Андреева. Исследования и материалы. Курск, 1983. С. 86-99.
106. Козьменко М. В. Дневник-роман Леонида Андреева / М. В. Козьменко // Андреев, Л. Н. Дневник. 1897 - 1901 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 3 - 34.
107. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Общение людей и жизнь языка (из истории кафедры русского языка и речевой коммуникации) // Изв. Саратов. ун-та. 2006. Т. 6. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 1-2. С. 22 – 26.
108. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Саратовская лингвистическая школа «Изучения функционирования русского языка» // Изв. Саратов. ун-та. – 2007. Т. 7. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 57 – 67.
109. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
110. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 53 с.
111. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в русской и немецкой лингвокультурах. Волгоград: «Перемена», 2001.
112. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53, № 2. С. 3 – 15.
113. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века / Под. ред. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 144 – 238.
114. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

115. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира Текст. / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
116. Кун Т. Структура научных революций М.: Прогресс, 1977. 300 с.
117. Ладыгин Ю.А. Антропологический подход к анализу прозаического художественного текста. Иркутск, 1997. 126 с.
118. Леденева В.В. Идиостиль: (К уточнению понятия) // Филол. науки. М., 2001. № 5. С. 36 – 40.
119. Ляпон М. В. Языковая личность: поиск доминанты //Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М.,1995. С.41-48
120. Максим Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР; Редакция: И. И: Анисимов (гл. ред.), Д. Д. Благой, А. С. Бушмин и др. Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965. 630 с.
121. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч. 1. Смоленск, 2002.
122. Мельник Н.В. Программа спецкурса «Лингвоперсонология текста» // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / Под ред. Н.В. Мельник. Кемерово, 2009. С. 239 – 247.
123. Милёхина Т.А. Российские предприниматели и их речь: образы, концепты, типы речевых структур: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2006. 54 с.
124. Милованова Л.А. Языковая личность: факторы становления и развития / А.А. Милованова // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 68-78.
125. Михеева Л.Н. Принципы изображения человека в прозе Л.Андреева.// Проблемы эволюции русской литературы XX века. М.,1995. Вып. 2. С. 143-145.
126. Михеичева Е. А. «Формула железной решетки» в прозе Леонида Андреева и Франца Кафки. / Е. А. Михеичева // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд. (Материалы международной науч. конференции; посвященной 135-летию со дня рождения писателя, 28— 30 сентября 2006 г). Орел: Картуш, 2006. С. 129 - 137.
127. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М.: URSS, 2006. 238 с.
128. Нашхоева М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. Выпуск № 1 (218).
129. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.
130. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М., 1996. № 462. С. 112 – 116.
131. Нерознак В.П. Лингвокультурология и лингвоперсонология // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. 2: 2002-2003. М., 2003. С. 13 –

- 17.
132. Николина Н.А. Метаязыковые комментарии в произведениях Л. Андреева. // Эстетика диссонансов. Орел, 1996. С. 106-108.
133. О научной школе «Русская языковая личность», руководитель член-корр. РАН Ю.Н. Караулов // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: Сб. статей. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 515 – 518.
134. Оленёв С.В. Моделирование динамики русской языковой личности. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 264 с.
135. Отрывки из воспоминаний // Л. Андреев. Иуда Искарот. М.: "Художественная литература", 1999. С. 537-541.
136. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. 4-е изд. М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. 1. 496 с. Т. 2. 512 с.
137. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 393 с.
138. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 233 с.
139. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 48 с.
140. Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX XX вв. Иваново: ИГУ, 1994. 367 с.
141. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. СПб., 1997. 264с.
142. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 111-122.
143. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999.
144. Реформатский А.А. Опыт описания языковой личности // Язык и личность. М., 1989. С. 149 – 212.
145. Роле С. Семиотика страха. Сб. статей. Составители Нора Букс и Франсис Конт. М.: Русский институт: "Европа", 2005. с. 168-171.
146. Румянцев М.Г. О стиле прозы Леонида Андреева. // Проблемы эволюции русской литературы XX века. М., 1995. Вып. 2. С.178-179.
147. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 807 с.
148. Самотик Л.Г. Барышни и крестьянка (рецензия на «Полный словарь диалектной языковой личности» под редакцией проф. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Томского университета. Т. 1. 2006. 358 с.; Т. 2. 2007. 338 с.) // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2008. № 2. С. 142 – 148.
149. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
150. Седов К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о

- принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 6 – 29.
151. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления : (Принципы классификации и условия формирования) // Вопр. стилистики. – Саратов, 1999. Вып. 28. С. 3 – 29.
 152. Сибата Такэси. Исследования языкового существования в течение 24 часов // Языкознание в Японии. М., 1983. С. 134 – 141.
 153. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Сиротинина О.Б., Кузнецова Н.И., Дзякович Е.В. и др. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001. С. 16 – 28.
Режимдоступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Sirot_OsnKrit.php
 154. Сиротинина О.Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Вып. 26. Язык и человек. Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1996. С. 3 – 7.
 155. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. Н. Новгород, 1997. С. 7 – 12.
 156. Скворцов Л.И. Язык, общение и культура / Русский язык в школе. 1994. №1. с.20-31.
 157. Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. URL: <http://slovari.ru/dictsearch> (дата обращения: 7.05.2016).
 158. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
 159. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований: вступительная статья // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М., 1975.
 160. Стрельцова Н.В. К проблеме типологии языковой личности // Вопросы лингвоперсонологии: Межвуз. сб. научн. трудов. Ч. 1. Барнаул, 2007. С. 12 – 16.
 161. Сулименко Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики. СПб., 1994. 86 с.
 162. Сусов И.П. История языкознания: учеб. пособие для студентов старших курсов и аспирантов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/Index.php
 163. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 173-203.
 164. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. Шадринск, 1971. 122 с.
 165. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 1: А–К. 844 с.
 166. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Предисл. А. Журавлева. М.: Индрик, 1995. 509 с.

167. Уайт Ф. Леонид Андреев: лицедейство и обман [Электронный ресурс]. Пер. с англ.: Е. Канищева / Ф. Уайт // «НЛО». 2004. № 69.
<http://magazines.rass.ru>
168. Ушаков: Толковый словарь русского языка /под ред. Д.Н. Ушакова/. М., 1994.
169. Формановская Н.И. Коммуникативные, социальные и психологические роли языковой личности // Журналистика и культура русской речи. М., 2007. № 1. С. 16 – 29.
170. Хайдеггер М. Что такое метафизика. М.: Академический проект, 2013. 277 с.
171. Частотный словарь рассказов Л. Н. Андреева [Текст] / С.-Петербург. гос. ун-т / Под ред. Г. Я. Мартыненко. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 396 с.
172. Чуваков В. [Комментарии] / В. Чуваков // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. 581 с.
173. Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте. М.: Флинта: Наука, 2006. 236 с.
174. Шаповалова Н.Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 20 с.
175. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 85.
176. Шиловских И.С. Художественный метод Л.Н. Андреева в контексте традиций отечественной литературы.// Проблемы эволюции русской литературы XX века. М., 1995. Вып. 2. С. 252-254.
177. Шмелев А. Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 306–313.
178. Шмелев А. Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки слав. к-ры, 2012. С. 306–313.
179. Шмелев Д.Н. Слово и образ. М., 1964. 120 с.
180. Шмелев Д.Н. Язык и личность. М.: Наука, 1989. с.3-8.
181. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994.
182. Юсова Л.Н. Картина мира как субъективный образ объективной реальности / Л.Н. Юсова // Сфера языка и прагматики речевого общения: сб. науч. тр. Краснодар, 2003. С. 314-323.
183. Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: Сб. ст. М.: Изд-во РУДН, 2006. 544 с.
184. Языковая личность: эпспликация, восприятие и воздействие языка и речи / под ред. Г.П. Немца. Краснодар, 1999. 295 с.
185. Языковая личность: Социолнгвистические и эмотивные аспекты. Сборник научных трудов. Волгоград, Саратов, 1998. 307с.